

Ирина Ваганова

Одна в двух мирах

16+

Ирина Ваганова
Одна в двух мирах

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ваганова И.

Одна в двух мирах / И. Ваганова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Юля — любимица колледжа, певунья и просто классная девчонка — не предполагала, что однажды попадёт в другой мир и окажется в "шкуре" унылой принцессы. И пусть героиня не обладает магическими способностями, как другие аристократы волшебного мира, её характера и сообразительности вполне достаточно, чтобы противостоять натиску недоброжелателей, чтобы обрести друзей и переделать чужой мир на свой лад. Обложку оформила Ольга Кортаева.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Первый сон Джулии	8
Глава 2. Второй сон Юлии Ветровой	16
Глава 3. Третий сон Юлии Ветровой	24
Глава 4. Который из двух?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

Этот день оказался не так далёк, как мне бы хотелось. С неотвратимостью его я свыклась, но мечтала отодвинуть. Мне исполняется шестнадцать! Вполне можно подождать до восемнадцати! Я направилась в покои матушки сразу после того, как главный распорядитель сообщил её волю. Больше всего меня задел самодовольный вид Каука. Ещё бы, одним из претендентов на мою руку, а заодно и будущую корону, будет его сын – прыщавый и одутловатый, вечно щуривший близорукие глаза Бёрт. У него нет шансов победить в отборе, однако попадание в претенденты повышает статус его семьи. «Нимфа Грозовых утёсов, помоги приемнице! – молилась я. – Праматерь и заступница, смилуйся. Кого ещё пригласили на отбор, если один из претендентов Бёрт?» По мере приближения к цели пыл мой ослабевал, и толстый, потеющий от суетливых движений распорядитель уже не казался таким уж противным. «В конце концов, – рассуждала я – пройти эту процедуру, да и забыть о ней! Всего то и нужно: сидеть на троне рядом с матушкой, кивать и улыбаться по её знаку». Я замерла, не дойдя до высоченных – в три человеческих роста – двустворчатых дверей, украшенных фигурами царственных особ верхом на фитрах. Резчик игнорировал тот факт, что в реальной жизни фитры невидимы, и изобразил их похожими на барашков величиной с лошадь. Не могу сказать, что мне нравились барельефы, я бы предпочла представлять королевских магических животных львами или пантерами.

– Ясная Заря, – отвлек меня от разглядывания дверей вынырнувший из-за колонны Элих, – доложить?

Этот рослый парень был одним из немногих во дворце, кто, показываясь на глаза, не вызывал во мне приступ нервной дрожи. Не дожидаясь согласия – я растерялась и готова была кинуться прочь, он стукнул об пол жезлом и загорланил:

– Ясная заря Юлла пожаловала к правительнице!

«Совсем скоро стану невестой, – мелькнула печальная мысль, – и ко мне будут обращаться иначе».

Створки поплыли в стороны, показывая двух кланявшихся охранников и синюю дорожку с вытканными на ней бледно-розовыми облаками. Пришлось идти. Элих замер в торжественной позе и подмигнул мне, когда я проходила мимо. Хотел приободрить. Хороший парень, жаль, что не магических кровей и не может участвовать в отборе. Ну вот! Уже и присматриваюсь! «Я не хочу замуж!» – напомнила я себе.

Визит к матушке не задался. На что я рассчитывала? Правительница Росистых лугов обладала магией убеждения, которой я, к несчастью, не унаследовала. Уже через пять минут, пристыженная тем, что отвлекла её лучистость от раздумий о благе страны, я плелась прочь. Слезы не шли, а как бы хорошо было поплакать! Глаза оставались сухими, только в носу щипало. Я уже не решилась молиться, в глубине сознания упрекая Праматерь за равнодушие к моим желаниям. От Нимфы Грозовых утёсов через дедушку и отца я получила власть над фитрами и считала эту затратную магию причиной того, что лишена способности убеждать. Два дара редко уживались в одном человеке.

Чтобы отвлечься от дум о скором испытании, я отправилась в розарий. Несмотря на позднюю осень, здесь благоухали большие и малые кусты – дар многоуважаемого и богатейшего Тиннета Апола – обладателя магии плодоношения. После исчезновения моего отца дальний родственник поселился во дворце и опекает матушку, а не так давно приехал погостить его сын Зергэ. Младший Апол, как я успела заметить, свёл с ума мою подругу Диин. Вот уж кому пора замуж!

– Юлла! – послышался горячий шёпот. – Как всё прошло?

Звук доносился из-за пышиного, усыпанного фиолетовыми, ещё не раскрывшимися бутонами куста. Аромат они источали терпкий и ненавязчивый, чего не скажешь о других сортах, представленных в розарии.

Вспомнишь легкомысленную подружку – она тут как тут. Ещё три фрейлины гуляли вокруг фонтана: льющаяся из гигантского кувшина на мраморные фрукты вода – напоминание о гербе Аполов.

Если выбирать, предпочту общество Диин другим девушкам. Я потёрла щёки ладонями, прогоняя бледность, и растянула губы в улыбке.

– Ну как? Рассказывай! – защebetала подруга, едва я обогнула куст.

Вообще-то Диин обладала магией утешения. Всё предопределено так, что скулы сводит от оскомины! Мать – убедит, подруга – утешит, знай бреди предначертанным путём. Как же я завидую отцу! Вот кто живёт, игнорируя чужие ожидания и собственные обязанности! Хочет путешествовать – путешествует. Не желает возвращаться – не возвращается. Я сжала кулаки так, что ногти впились в кожу ладоней. Был бы папа дома, не позволил проводить несвоевременный отбор! Я, наконец, посмотрела в распахнутые глаза Диин. Ласковые как весеннее небо, цветом напоминающие крылья бабочки Голубой Морфо, привезённую мне отцом из предыдущей поездки, они выражали не столько любопытство, сколько сопереживание. Я развела руки, словно принимая приглашение на танец, и объявила, не сдержав горькой усмешки:

– Через десять мучительных дней Ясная заря обернётся Утренней росой.

– Счастливая! – мечтательно зазмурилась Диин. – Как бы я хотела выбрать жениха. – Она с укором посмотрела на меня: – Но никому не позволено сделать это раньше дочери правителя.

– Когда она вошла в возраст, – поправила подругу я. – Мне ещё год можно было...

Диин не слушала:

– Умоляю, не выбирай Зергэ, если вдруг он приехал для...

Она замялась, её руки прижались к груди громадное яблоко.

– У вас было свидание? – догадалась я.

Диин затрясла головой, отрицая, хотя кто ещё во дворце мог подарить девушке такой великолепный фрукт? Теперь он лежал на ладошке фрейлины, и мы обе им любовались. Ярко оранжевый с багряными прожилками, блестящий глянцевыми выпуклыми боками, он так и просился в рот. Впиться бы зубами в хрустящую мякоть, прокусив тонкую упругую кожицу, ощутить на языке кисло-сладкий вкус, почувствовать, как по подбородку течёт сок...

– Хочешь? – протянула яблоко Диин.

Я не смогла отказаться. Умеет подруга утешить, даже исподволь.

Мы расположились на мраморной скамье, украшенной изображениями ваз с фруктами и кувшинами, льющими воду.

– Ну и как? – поглаживая пальцами холодненькое яблоко, спросила я.

Диин встрепенулась, гоня задумчивость, и пожала плечами.

– Это не было свиданием. Прослышав о готовящемся отборе, я навязала разговор человеку, без которого не мыслю жизни. Когда я ещё смогу признаться в своих чувствах? – она протяжно вздохнула и расправила подол платья, цветом и структурой напоминавшего цыплячий пух. Освободившись от подарка любимого, она искала занятие пальцам, то теребя кружева, то поглаживая стылый мрамор подлокотников.

Не могу сочувствовать этой глупышке! Зергэ симпатичный, хорошо воспитанный, состоятельный жених, но ничего воспламеняющего я в нём не замечала. Мне весьма неприятно было с ним общаться.

– Напрасно ты решилась на это, вряд ли он... Проще говоря, я не собираюсь выходить за Аполо, – заверила я подругу.

Она повеселела и хлопнула в ладоши.

– Пусть! Пусть я выглядела душой! Но как прекрасен его взор! Тёплый и ласковый, словно майские лучи!

– И что же он ответил? – спросила я, поднося яблоко к лицу и вдыхая медовый аромат.

– Благодарил. Сказал, что польщён, что я прекрасная девушка, и он был бы рад назвать меня невестой, но пока не владеет своими чувствами.

– Ясно, похоже, он всё-таки будет участвовать... – вздохнула я и прокусила атласный бок яблока.

В следующую секунду стала сползать со скамьи и почувствовала удар по затылку. Пальцы разжались, выпущенное на свободу яблоко покатило по ноге и с глухим стуком ударилось о спрессованный песок дорожки. Диин закричала.

Я наблюдала за происходящим с высоты. Моё тело распласталось на скамье, по спинке её, начинаясь от горлышка каменного кувшина, тянулся кровавый след. Вот обо что я стукнулась! Машинально тронув затылок, ничего не обнаружила. Как такое возможно? Лежу там и порхаю здесь. Меня поднял в воздух фитр? Но его нет подо мной!

Подруга орала. На крик примчались другие фрейлины и завизжали так, будто к ним в купальню ворвалась банда насильников. Не утратив способности видеть и слышать, я не ощущала ничего: ни дуновения, ни аромата, ни боли.

Сбежались охранники. Они подхватили моё тело и суетливо поволокли его во дворец. Я, как магически привязанный фитр, летела следом. Вмешаться в происходящее не могла, лишь наблюдала, как стражники уводят фрейлин, как лекари осматривают моё тело, как матушка раздаёт приказы. Вскоре суета прекратилась, меня оставили одну в сумрачной комнате у выхода на задний двор. По-прежнему паря на расстоянии распахнутых рук от себя самой, я попыталась собраться с мыслями. Это смерть? Диин меня отравила? Это я могла заключить из обрывков подслушанных рассуждений. Верная подруга, единственная, кому я могла поведать свои горести, кто мог меня утешить, предала? Поступила подло и коварно? Злость закипала во мне. Все! Все люди такие! Недаром отец подался в чужие края! Тело моё вытянулось на жёстком топчане: бледная, будто обескровленная кожа, платье для прогулок, стянутое шнуровкой на груди, любимые сапожки – я собиралась покататься на фитре до того как мне сообщили о назначенной дате отбора. «Нимфа Грозových утёсов, – беззвучно шептала я. – Так ты выполнила мою просьбу, Праматерь?»

Уловив шорох осторожно открываемой двери, я посмотрела в проём. В комнату протиснулся Элих. Парень завернул меня в меховую накидку и подхватил на руки. Куда? Элих поспешил прочь, меня потянуло за ним. На выходе к нам присоединилась матушка, одетая в просторный коричневый балахон, что свидетельствовал о скрытности её поездки. Да. Они крались к ожидавшему за оградой экипажу. «Тело везут к шаману, – догадалась я. Нежели правительница решила на запрещённый обряд?»

Глава 1. Первый сон Джулии

«Давно такого не было и вот опять», – долбилась в мозгу надоедливая фраза.

Юлька часто ссорилась с матерью. Причина всегда одна. Замаскированная, но очевидная. Сегодня мать говорила прямо, и перепалка выросла в реальный скандал. Поводом стал айпад, подаренный отцом достигшей совершеннолетия Юле.

– Ты должна отказаться!

Кому такое понравится? Ладно бы это было всегдашним требованием. Прежние подарки – роликовые коньки, лыжи, велосипед, диски с компьютерными играми – принимались без возражений. Хотя мать критиковала вкус бывшего супруга – маленькие розовые гантели вообще вызвали у неё приступ гомерического хохота, – никогда не запрещала брать «отцовские подношения». Юлька из принципа пользовалась всем, что дарил папа. Каталась, бегала, играла в волейбол, даже занималась гантельной гимнастикой, скачав упражнения из интернета. Мать подозревала, что любовь к спорту дочь демонстрирует лишь из-за подросткового стремления противостоять давящей силе. Тем не менее, продолжала давить, в тайне гордясь тем, как Юлька выглядит. Стройная, подтянутая, выносливая. Девушку можно было принять за профессиональную спортсменку или балерину, если б не мягкость её улыбки – улыбки человека, не знающего ограничений в еде и ежедневных изматывающих тренировок. Юля занималась в удовольствии.

Сегодня, когда курьер доставил папин сюрприз, именинница была в невозможном восторге. Она кружила по комнате в обнимку с айпадом и пела. Петь Юлька любила, получалось это у неё очень хорошо. На сборищах одноклассников, где ни один концерт не обходился без Юлькиного соло под гитару, она обязательно исполняла пять шесть хитов на заказ. Увлечённая внутренней музыкой и переполнявшей грудь радостью, девушка не сразу заметила подпиравшую притолоку маму. Та стояла каменным изваянием – кариатидой красивой, но холодной.

Услышав требование вернуть отцу подарок, Юлька перестала танцевать, замолчала и сильнее прижала к груди айпад. Пришлось внимать много раз слышанным жалобам на бывшего мужа. Ветров оставил родную дочь и ушёл воспитывать чужого сына. Ей – матери – невыносимо тяжело было растить ребёнка одной. Но она не принимала предложения других мужчин, опасаясь, что отчим не сможет любить Юлю по-отечески. Теперь ей обидно видеть, как предавший их человек заискивает перед дочерью и покупает расположение подачками.

Надо было смолчать, притвориться что послушалась. Но кто-то другой вместо Юльки выкрикнул:

– Да от тебя кто угодно сбежал бы! Причём тут я? Купишь айпад вместо этого? Купишь? – испугавшись своих слов, девушка бросилась на кровать, подсунув отцовский подарок под себя, зарылась головой в подушки и выла, чтобы заглушить крики матери. Та всерьёз разбушевалась.

Когда наступила тишина, Юля поднялась, обвела взглядом комнату: стул опрокинут, толстовка валяется на полу, сложив рукава в умоляющем жесте, джинсы лежат, нарочито выставив разлохмаченные края дизайнерских прорезей, книги и тетради сброшены со стола, листы их замялись. Пришлось наводить порядок. Из комнаты Юлька так и не вышла, проигнорировав ужин. «Пусть сама жуёт свои котлеты!» Аромат тянулся с кухни, дразня нотами специй и горячего масла.

Отослала папе сообщение с благодарностью за подарок, сопроводив его десятком сердечек и поцелуйчиков. Улеглась спать. Долго лежала с открытыми глазами, наблюдая за отсветами фар на потолке. Машины проезжали по двору, парковались. Люди хлопали дверцами. Звуки, не привлекавшие обычно Юлькиного внимания, сегодня казались особенно значимыми. Ей безумно хотелось, чтобы вот так каждый вечер отец возвращался с работы, выбирался из автомобиля и шёл домой. К ним домой, а не туда. Не удивительно ли, что взрослая

девушка способна переживать разрыв родителей? Но Юлю огорчало не теперешнее состояние, а пустота, присутствующая в её жизни уже тринадцать лет. Тринадцать долгих лет она провела рядом с несчастной женщиной, еженощно оплакивающей горькую свою судьбу и то и дело поминающей сбежавшего супруга недобрым словом.

– Заснуть бы поскорее! – сказала Юля вслух. – И пусть приснится хоть что-нибудь!

Обычно она не видела снов. Вернее, изредка снился один: она маленькая бежит по парковой дорожке навстречу отцу. Бежит-бежит и никак не добежит, хотя старается. Но это было, скорее, детское воспоминание, воспроизводимое иногда в отключившемся от дневных забот мозгу. Подруги частенько рассказывали о необычайно ярких и увлекательных сновидениях, Юлька сомневалась в том, что слова их – правда. Если так, почему же она никогда ничего подобного не видит?

Сегодня – то ли стресс повлиял, то ли время настало – ночь отличалась от прежних.

Сначала послышались шумы: шуршание, треск огня и стук – будто кто-то тихонько ударял пальцами в барабан. Потом незнакомый мужской голос – бас – хрипловатый, сдерживающий свою мощь:

– Юлла... Юлла... Юлла...

Тук-тук-тук тук-тук.

– Юлла! Юлла!

Зовут, коверкая имя. Хотелось открыть глаза, но не получалось, веки словно слиплись. Что ж такое! Люди во сне видят, а тут... только звуки! Теперь зашептал женский голос, сначала на непонятном языке, потом:

– Юлла!

Удалось-таки разлепить веки. В щёлочку Юлька разглядела темные, хорошо подогнанные доски потолка. Низкого – не дальше полутора метров от неё. Она лежала на бугристой поверхности, совершенно не похожей на привычный ортопедический матрац.

Женщина прошептала ещё несколько иностранных слов, в которых угадывалась радость, и громче сказала:

– Юлла!

Тук-тук-тук тук-тук.

– Юлла! Юлла! – отпустил свой голос мужчина.

«В опере бы ему петь», – подумала Юлька. Сон ей не нравился. Нормальные люди летают, чувствуют необыкновенную лёгкость. У неё же ломило все кости, мышцы будто залили чугуном, в затылке щекотно свербело. Попробовала пошевелиться. Не получалось.

– Юлла! Юлла! – басил невидимка.

– Да заткнись ты! – пробормотала Юлька. – Хорош завывать!

Стук прекратился. Перед Юлькой возникло незнакомое, обрамлённое длинными, довольно густыми седыми космами бородатое лицо с лохматыми, такими же седыми бровями над внимательными карими глазами. Из бороды, где едва угадывался рот, раздалась фраза на непонятном языке, звучащая вопросом. Юля с усилием повернула голову и увидела мать, одетую в длинный балахон из коричневой, похожей на тонкий драп ткани. На голову была накинута бордовая шаль из шерсти крупной вязки. Ну и сон! Мама в жизни бы так не вырядилась! Поймав Юлькин взгляд, мать кинулась к постели, наклонилась низко-низко и заговорила так же непонятно, как и старик до этого.

– Ма?

Радостные возгласы матери прерывались поцелуями, щедро даримыми щекам, лбу, подбородку лежащей Юльки. Та вертела головой, стараясь прекратить аттракцион неслыханной нежности. Юля не раз слышала байки о том, что некоторые во сне говорят на чужих языках, но вот чтобы персонажи трепались, а ты ничегошеньки не понимал? Всё у неё, короче, не как у людей.

– Слушайте, вы! – Юлька собралась с силами и оттолкнула от себя лопочущую иностранные слова маму. – По-русски говорите, а?

Мать изменилась в лице и отстранилась, бросив на старика гневный взгляд. Тот поклонился так низко, что Юлька разглядела гладкую плешь на макушке. Не выпрямляясь до конца, он приблизился, внимательно всмотрелся в Юлькино лицо и задал очередной тарабарский вопрос.

– Я не вру-ба-юсь! – медленно выговорила Юля.

Оба они отошли в сторону и принялись что-то обсуждать. Говорили негромко, но властный сердитый тон матери вызывал в Юлькином сердце тревогу, а ровная, не столько оправдывающаяся, сколько успокаивающая собеседницу речь старца – любопытство. Зло брало: ну почему она ни слова не понимает?! Словно недублированный забугорный фильм смотрит без титров.

Наконец мать согласилась с доводами старца, что на неё было совершенно не похоже, взяла навязываемую им бутылочку с прозрачной жидкостью травянистого оттенка, и крикнула в сторону двери:

– Элих!

Скрипнули петли, в каморку, пригнувшись, чтобы не удариться головой, проник рослый парень. В руках у него оказалась меховая накидка. Набросив её на Юльку и подоткнув края, парень с лёгкостью подхватил девушку, точно она не имела веса, и шагнул к выходу. Старик пытался помочь, но мама остановила его властным жестом. Сказала ещё одну сухую фразу и направилась следом за бугаём, спускавшимся по лестнице с Юлей на руках. У той всё похолодело внутри. Лестница была крутая, тёмная. Навернётся ещё! Тогда от неё точно не останется мокрого места.

– Не спеши! Куда летишь? – не удержалась она от замечания.

– А-а? – потрясённо отреагировал парень, но шествующая сзади мама опять сказала что-то резкое, и диалог завял.

У дома их ждала безлошадная карета. Небо светлело, но солнце ещё не взошло. Дул, постанывая, студёный ветер. Деревья размахивали ветвями, сбрасывая последние листья. Какой холод! Юлька вцепилась в край накидки, стараясь зарыться в неё с головой. Хорошо, что экипаж стоял в двух шагах. Парень подождал, когда мать распахнёт дверцу, и забрался вместе с Юлькой внутрь. Устроив свою ношу на обитом кожей диване, он подsunул ей под голову вишнёвую, пахнущую тонкими духами подушку, поправил накидку, чтобы не падала на пол и, пятясь, вылез наружу. Мать, подобрав полы чудного балахона, зашла и уселась напротив Юльки, спиной по ходу движения. Захлопнулась дверца, щелкнул язычок замка. Сквозь окно в передней стенке кареты было видно, как парень забирается на сиденье, открытое всем ветрам, берёт в руки вожжи. Чему тут удивляться? Сон – есть сон. Первый в жизни Юльки сон, если не считать бег навстречу папе, перенёс её в сказку. Хотя нельзя сказать, что он был приятным.

– Н-но!

Возникло кратковременное чувство невесомости, будто на качелях, когда летишь вверх, но потом движение стало равномерным и необычайно гладким. Даже по рельсам так невозможно ехать. Удалось-таки полетать? Если уж не самой, так хоть в чудо-карете без лошадей, типа на воздушной подушке. Ехали, если можно так сказать, недолго. Едва движение прекратилось, карета с лёгким стуком коснулась земли. Юлька шевельнулась, попыталась сесть, но мышцы по-прежнему не слушались. Зло брало от беспомощности. Очень хотелось проснуться, но как это сделать Юля не знала. Пришлось опять путешествовать в обнимку с парнем. Мать спешила по задворкам огромного здания, открывая калитки и двери. «Носильщик», которого Юля мысленно окрестила Илюхой, размашисто шагал следом. Оба молчали. Узкие коридоры и тесные лестницы вывели крадущихся людей в просторный зал. Источников света здесь не было, лишь рассветные лучи били в окна, окрашивая в алый блестящий выложенный замыс-

ловатым узором паркет. Рассмотреть Юля ничего не успела, почти бегом Илюха пересёк зал и свернул вслед за Юлькиной мамой в смежную комнату – большую, красивую, обставленную, как покои сказочной принцессы.

«Фу! Как банально», – успела подумать Юлька, прежде чем её сгрузили на широкую кровать под балдахин.

Мать, застыв изваянием в дверях, следила за действиями богатыря. Тот, сняв с Юли накидку, обнял мех ручищами, поклонился и торопливо покинул комнату. Мама произнесла очередную загадочную фразу и закрыла дверь с обратной стороны. Юлька вздохнула: по приказному тону было не похоже, что дочке предлагали отдохнуть. Хотя больше всего требовался как раз отдых.

Одна она оставалась недолго, успела лишь осмотреться и оценить собственный наряд: платье до пят, стянутое на груди и животе жесточайшей шнуровкой. Вот почему так трудно дышать! Юлька негнушными пальцами постаралась распутать узел. Из-за слабости и неудобного положения ничего не получалось. На ногах были кожаные полусапожки, вполне подходящие. Надо же! Так и бросили её на кровать в обуви и одежде! Мама из сна всё меньше походила на реальную. Тут-то и объявились, словно на зов, две служанки. Вид они имели заспанный, их разбудили минуты три назад. Одна, тем не менее, улыбалась, щебетала на всё том же незнакомом Юле наречии, вторая угрюмо помалкивала, смотрела исподлобья. Девушки, не дожидаясь просьб или приказаний, взялись за Юлю: раздели, помогли умыться, расчёсали и уложили волосы, упаковали в пышные нижние юбки и нарядили в богатое парчовое платье с множеством украшений. Корсет Юлька заставила ослабить, ей и так тяжело, а тут ещё и воздуха не плотнуть, как следует. Объяснялась знаками, девушки оказались понятливыми.

Во время переодевания Юля неприятно удивилась. Тело было непривычно худым, без намёка на мышцы и уютный жирок в нужных местах. Она и в жизни не потянула бы на топ-модель, но всё-таки была пропорционально сложена, в меру накачена и выглядела шикарно, во всяком случае, мужские заинтересованные взгляды ловила частенько. Почему сон так контрастировал с реальностью, объяснить не получалось. Вон служанки какие откормленные! Щёки аж укусить хочется – круглые и румяные. Что тут, хозяев голодом морят, а сами в три горла жрут?

Страшно захотелось есть. Прямо хоть просыпайся и топай к холодильнику. Не пришлось. Угрюмая девушка приволокла поднос с завтраком. Пока Юлька, захлёбываясь слюной, рассматривала тарелки с тонко нарезанной ветчиной, подставочку с облупленным яйцом всмятку, чашку с дымящимся кофе, источающим тонкий аромат с нотой имбиря – ну хоть тут угодили, девушки укутывали её салфеткой размером с простынь, чтобы не заляпала наряд. Можно было поесть, а потом одеваться! Но из-за языкового барьера поучить служанок было невозможно, приходилось подчиняться.

Едва успела проглотить завтрак, появился – без стука, ну и манеры – облачённый в камзол с меховой оторочкой худощавый дядька профессорской внешности. Не закрывая дверь, он замер в выжидательной позе. Юлька поднялась, отложив салфетку. Весёлая служанка успела водрузить не её голову ажурную корону из хитрых переплетений золотой проволоки с вставленными в узлы рубинами, вторая набросила на плечи горностаевую мантию. Надо идти, смотреть, что у них там. Слабость никуда не делась. Юльку пошатывало, сопровождавший её дядечка, сохраняя невозмутимое лицо, позволял держаться за его согнутую в локте руку. В зале их ожидала Юлина мама. Она тоже облачилась в мантию, из-под которой виднелось ярко-синее атласное платье. Гордо поднятую голову венчала громоздкая золотая корона, украшенная россыпью крупных изумрудов. Увидев дочь, королева дрогнула, по лицу пробежала тень. Прозвучал участливый вопрос, смысл которого Юлька угадала и кивнула в ответ. Мать подошла ближе, знаком приказала свите уйти. Все двинулись в распахнутые двери, ведущие на опоясывающий здание балкон. Избавившись от свидетелей, мама выхватила из крошечной сумочки,

висящей на поясе, пузырьёк. Юлька узнала: тот самый, что дал старик. Послушно взяла, выпила. Постояв ещё с минуту, почувствовала, как тепло разливается по телу, и сжала мамину руку: да, ей значительно лучше. С улицы доносился шум тысяч голосов. Казалось, за стенами дворца море катит волны всё более мощные и грозные с каждым подходом. Мать натянуто улыбнулась, отпустила Юлю и прошествовала вперёд. Пришлось топтать за ней.

Первое, что встретило Юльку на балконе – удар холодного воздуха. Второе – взметнувшийся к небу многоголосый крик. Заняв свободное место у мраморных перил – свита разделилась на две части и стояла по бокам – мать и дочь оказались под прицелом тысяч пар глаз.

– Юлла! Юлла! – скандировала толпа.

Это было необъяснимо. Юлька огляделась: короля нет? Выходит, и во сне мать осталась без мужа? И всё же, почему подданные приветствуют не королеву, а принцессу? Или не приветствуют? Шум толпы скорее напоминал шторм, чем мирный морской прибой. Сцена затягивалась и раздражала Юльку. Надо было выкинуть какой-нибудь фортель. Вспомнила кадры из советской хроники: вожди на трибуне мавзолея, приветственно машущие ручкой. Так и сделала. Подняла руку на уровень подбородка и неторопливо поводила туда-сюда. Тишина обрушилась, словно спрятанный за стеной звукорежиссёр вырубил звук. Люди, запрудившие площадь перед дворцом, застыли с поднятыми головами, не сводя взглядов с балкона. Мать зашипела что-то злобное. «Чего это они? – удивилась Юлька – Подумаешь, прикололась. Нельзя, что ли?» Она продолжала помахивать, растянула губы так, что стало больно, и наклонила голову, взглянув вправо, потом влево, потом снова вправо, и снова влево.

– Ю-у-а-а-а! – взорвалась толпа.

В воздух полетели шапки, руки поднялись и размахивали в ответ на Юлькино приветствие. Потом началось движение: задние стремились вперёд, те, кто стоял ближе, вынуждены были расходиться в стороны, чтобы дать дорогу жаждущим рассмотреть принцессу. Юлька продолжала помахивать и улыбаться. Боковым зрением она увидела, что мать, а за ней и свита, копируют жест. Стало весело, она уже улыбалась, ничуть не притворяясь.

Рука мёрзла. Приходилось прятать её под мантию и тереть другой тёплой рукой. Над толпой пролетал вздох разочарования. Мать что-то недовольно шипела. Юлька снова выпускала руку на свободу и помахивала, чувствуя, как боль стреляет в запястье и в локте.

Дико обрадовалась, услышав пронзительный голос мужчины в камзоле с меховой оторочкой. Он выступил вперёд, выбросил руку, указывая на Юлю и прокричал довольно длинную фразу, где не было вразумительных слов, исключая одного – «Юлла». Народ на площади завыл: «Ю-у-а-а-а-а». Юлька спрятала заочневшие пальцы подмышку и чуть не бегом бросилась с балкона, опережая неспешно плывущую маму. Хотела свернуть в «свою» комнату, но путь преградил всё тот же дядька, он шагал с каменным выражением лица и неуловимыми движениями упреждал Юлькины попытки свалить. Двигаясь во главе процессии, королева и принцесса прибыли в следующий зал, где обнаружили накрытый на двадцать персон стол. Во главе располагалось кресло с широкой и высокой спинкой, увенчанной крупной стилизованной короной. Оставив его без внимания, мать прошла к тому, что стояло напротив, меньшего размера и более скромной короной. По правую руку от мамы пришлось садиться Юльке – на стул, отмеченный крохотной короной. Остальные предметы мебели выглядели обычными, но смотрелись нарядно, вписываясь в единый стиль: белое крашеное дерево и брусничного цвета бархатная обивка.

Уже через минуту вся толпа расселась. Рука в белой перчатке – её обладателя Юля не увидела – поставила перед ней тарелку супа. Не обращая внимания на сотрапезников, девушка схватила лежащую на салфетке ложку и принялась за еду. В прозрачном бульоне с едва заметными блёстками жира удалось найти десяток мелко нарезанных кусочков варёной говядины, крупу, напоминающую перловку, но помельче, и кусочки овощей – не слишком много. Тем не менее, горячая, пусть и малосолёная, без специй еда хорошо согрела, Юля ела с аппетитом.

На второе принесли жареные косточки, обтянутые тонким слоем мяса и кожицы. Вероятно, перепел. Девушка слышала о таких деликатесах, но никогда не пробовала. Оказалось довольно вкусно. Десерт – пышная бело-розовая масса – был выше всяких похвал. Юлька выскребла всё до капельки и, оставив вазочку, перехватила недоуменный взгляд сидевшего напротив, чуть правее от неё, юноши. Парень был симпатичный. Волнистые ухоженные волосы тёмными локонами падали на плечи. Глаза, цветом напоминая лягушачью кожу – бурую с зеленоватым оттенком, были очень выразительны. Яркие полные губы выглядели напряжёнными, владелец, словно стесняясь их объёма, несколько растягивал их, что, впрочем, не выглядело улыбкой. Обед завершился подачей нарезанных свежих фруктов. Фрейлины и вельможи, прихватив с собой тарелочки с фруктовым ассорти, выбирались из-за стола и разбредались по залу, кучкуясь около окон или в глубине у колонн. Парень, до сих пор сверливший Юльку взглядом, отдающим болотной тиной, качнул головой, приглашая отойти в сторону. Она послушно последовала к дальней колонне. Там в небольшом углублении прятался портрет короля.

– Па-а! – невольно выронила Юлька.

Визави проигнорировал возглас и завёл длинную речугу. «Мозги пудрит девушке, – усмехнулась про себя Юля и поправилась, – принцессе». Подавляя растущую неприязнь, хотела уж спросить: не владеет ли, случаем, молодой человек русским? Не успела, заметила спешащую к ним маму. Та бросила напыщенного вельможу, не дослушав его, и шла к дочери сама, что, по всей вероятности, противоречило правилам. Юля была рада отделаться от навязчивого кавалера и шагнула навстречу. Королева обронила несколько вполне добродушных фраз, обращаясь к парню, и увела дочь, взяв под локоток. Никто не последовал за ними. Скорее всего, мама вернётся к прерванным беседам. Юле же пришлось опять остаться в комнате одной.

За окном темнело. Усталость от необъяснимых событий и переживаний наводила на мысль о «повалиться и почитать». Книги не пришлось долго искать. Четыре шкафа находились в смежной комнате, напоминавшей кабинет, совмещённый с библиотекой. Вытянув из плотного строя шесть томиков наугад, Юля раздражённо бросила их один за другим на стол. Ни русских, ни английских – сошло бы на худой конец – текстов не обнаружилось в здешнем собрании.

Возвращаясь в спальню, наткнулась на угрюмую служанку. Та стояла, потупившись – изображала скорбное ожидание. Весёлая порхала у кровати: сняла и сложила блестящее стеганое покрывало, отвернула угол одеяла и распустила шнурки балдахина.

Руки печальной служанки тоже оказались ловкими: уже через минуту Юлька избавилась с её помощью от тесного наряда и облачилась в просторную рубашку из кипельно-белого батиста с кружевом по подолу и краям широких рукавов. А ещё через минуту она сомкнула веки, лёжа не воздушно-пушистой перине под лёгким, но удивительно тёплым одеялом. Заснула мгновенно. Прикольно звучит: заснула во сне.

Не успев сделать двух глубоких вдохов мирно почивающего человека, Юля открыла глаза. Вскрикнула от восторга, увидев любимую родную комнатку. Потянулась. Пошевелила пальцами рук и ног. Резким движением вскочила с кровати. Подпрыгнула, присела, снова подпрыгнула, снова присела, выудила из-под кровати гантельки и начала выполнять привычные упражнения. Как приятно ощущать силу в мышцах! Тянуть их, напрягать, смотреть, как надуваются под кожей бугорки. С кухни прилетел запах жареного теста, смешанный с ароматом варёной вишни. В желудке раздалось требовательное урчание. Конечно! Вчера улеглась без ужина. Завтраки-обеда во сне не в счёт.

Метнулась на кухню как была – в ажурных трусиках и майке до середины попы. Обняла маму, колдующую над сковородкой со шкворчащими блинчиками – покупными, понятное дело, мама не любила готовить, да и когда ей! Она успела обернуться:

– Без тапок! Без халата! Марш одеваться.

– М-м-м... с вишней! Обожаю!

От вчерашней грозы не осталось и тени. Разве что, наблюдая, как дочь моет тарелки после завтрака, мама проговорила задумчиво:

– Прости, Юляшка, я вчера сорвалась. Не смогу купить тебе айпад, чего уж. Оставляй. – Юля кивнула, не оборачиваясь, мама добавила: – Но не думай, что это тебя обяжет. Отец слишком...

– Не переживай, мамуля, всё равно, я люблю тебя больше всех-всех-всех.

День прошёл чудесно. Преподаватели в честь дня рождения не беспокоили вопросами, напротив, поздравляли с восемнадцатилетием и произносили многословные пожелания. Девчонки обнимали, чмокали в щёки, неизменно пророчили любовь, готовую обрушиться на голову счастливицы с минуты на минуту. После занятий отправились в кафешку неподалёку от колледжа. Тётя Лиза – мамина сестра – кинула на карту имениннице шесть тысяч рублей, можно было оттянуться компанией. «Алисо» – вполне симпатичное заведение, названное в честь супруги хозяина – встретило тихой музыкой, мягким фрагментарным освещением и запахом хвои: готовясь к встрече нового года, здесь испытывали недавно купленную ароматическую насадку в систему кондиционирования. Стол на восьмерых был накрыт в глубине помещения рядом с невысоким подиумом, символизирующим сцену, где пели караоке. На стене висел большой экран, там транслировали слова выбранной песни и, по желанию, изображение поющего. Сейчас на сером полотне мелькали кадры последнего клипа певицы Ньюши.

Девушки расселись: Юлька во главе стола, рядом с ней подруги Дина и Вита, чуть дальше близняшки Наташа и Настя, отличница Оля, первая красавица колледжа Оксана и её вечная сопровождающая толстوشка Ритка. На белой нарядной скатерти были расставлены предварительно заказанные напитки: изумрудный Тархун, золотистая Меринда, янтарная Кола. Между бутылочками и высокими стаканами разместились плоские тарелки с канале.

– Гуляем! – сделала широкий жест Юля, – заказывайте, кто что пожелает!

Хотя время, когда кафе работало в режиме ресторана, ещё не пришло, администрация позволила включить для весёлой компании караоке. Сначала подруги пели под «Лабутены» сочинённое шутивное поздравление, потом уговорили именинницу исполнить что-нибудь. Юлька отнекивалась, ссылаясь на отсутствие инструмента. Будь здесь гитара, с удовольствием спела любимое из репертуара «Мельницы» – «Тристан» или «Прощай», смеясь, обещала выступить на новогоднем концерте в колледже. Дина – задушевная подруга – не отстала, пока не вытолкала Юлю на возвышение у дальней стены, вручив микрофон. Запустила «Каждый раз» Монеточки. Немного сбивчивое исполнение вызвало аплодисменты других посетителей кафе. Однорупницы, скакавшие вокруг, хлопали громче всех и потребовали ещё песню. После «Нет монет» певице удалось отдохнуть, её сменил у микрофона паренёк в прямоугольных очёчках, на вид типичный ботаник. Прилизанная причёска, аккуратный короткий пиджачок и выглаженная рубашка совершенно не сочетались с низким хрипловатым голосом, едва раздались первые слова: «Пешеходом уже быть достало, и всего как обычно мало...», девчонки завизжали. «Зачем большие окна трамваю», – пели уже все вместе. Начался батл – Монеточка против «Градусов». Потом в ход пошли Цой и Гребенщиков. Кафе болело с одинаковым рвением за обоих исполнителей. Танцевали, скакали, размахивая руками, подпевали. Вряд ли кто из колледжа, да и из школы смог бы похвастаться таким крутым днём рожденья. Не так уж и важно, что победа осталась не за ней – ботаник спел из «Металлики» на русском «Иное не важно». У Юльки слёзы на глазах выступили от проникновенного исполнения, она отмахнулась от Дины, нашёптывающей раздобытую инфу – зовут Саша, друзья провожают его в армию – и подошла пожать сопернику руку. Тот не растерялся, обнял девушку, поцеловал в щёку и шепнул:

– Ты нереально крутая! Жди, через год встретимся.

– Где? – изумлённо спросила Юля.

– Да хоть здесь. Через год. Лады? – улыбнулся он, отстраняясь, и тихонько пропел: – Отслужу как надо и вернусь.

Девушка засмеялась и кивнула. Она не приняла всерьёз слова Саши, просто хотелось поддержать непринуждённую атмосферу и не расставаться с тёплым чувством, будто они давние друзья. Конечно, парень забудет этот вечер не то что через год, а уже через неделю, погрузившись в непривычную обстановку, где день расписан по минутам и времени на глупости не остаётся. Победителя песенного батла позвали ликующие друзья: молодчага Санёк, показал, как надо петь! Хотя не забыли поаплодировать вслед уходящим из кафе девчонкам. Подруги расстались на площади: кто-то побежал на троллейбус, кто-то взял такси, Дина с Юлей решили прогуляться, им было по пути.

– Джулия, – заикалась от восторга Дина, – чего ты попёрлась в управленческий колледж?! Тебе прямая дорога на эстраду! В «Кулёк» бы поступала или вообще, в Москву, в театральный рванула!

– Ты бы маме моей объяснила, – хмыкнула Юля, – как российская эстрада во мне нуждается.

– Влетит? – посочувствовала подруга: девушки возвращались поздно, чего Юлькина мама очень не любила.

– Надеюсь, спит. Я предупредила. Мне, в конце концов, восемнадцать.

– А, – сделала неопределённый жест Дина, – разве им докажешь!

– Не будем о грустном, – обняла подругу Юля, – проводить?

– Не-е-ет! Меня папа встречает, я ему звякнула, когда выходила.

Папа. Юле стало тоскливо от Дининых слов. Конечно, она тоже могла попросить отца встретить её на крыльце «Алисо» и проводить до дверей дома, мама намекала на это: «Хорошо бы Ветров реально о тебе позаботился, чтобы ты не болталась одна по вечернему городу!» Но... представляя, как папа прощается с ней у своей прежней квартиры и отправляется ТУДА, она чувствовала такую досаду, что не решалась испытать это в реале.

Мать либо спала, либо делала вид. Не верилось, что она не дождалась возвращения загулявшей до полуночи дочери, но проверять Юля не стала. В полудрёме умылась, почистила зубы и отправилась в постель.

Глава 2. Второй сон Юлии Ветровой

Устроившись уютнее и закрыв глаза, утомленная Юлька стала проваливаться в мягкую чёрную бездну, но почувствовала чьё-то присутствие. Рядом лежал человек! От него веяло теплом и запахом топлёного молока. Юля слышала тонкий сап.

– Кто здесь? – она приподнялась на локте.

Мать не имела привычки лежать в её постели, даже когда Юля была крошкой и просила об этом. Кроме неё в квартире никого не должно быть. Отодвинувшись, окончательно пробудившаяся девушка стала шарить вокруг, в надежде разувериться в своём впечатлении. Нашупала руку, плечо, мягкий бок. Кожа у лежащего на её кровати человека была гладкая, горячая, немного влажная от пота. Юлька вскочила, и только запутавшись в балдахине, обнаружила, что она не дома. Фу ты! Опять этот до жути реальный сон! Тронула ткань и кружево рубашки – та самая, что в прошлый раз не неё надели. Переступая по холодному полу босыми ногами, Юля ёжилась от озноба. Где-то должны быть свечи или керосинка какая-нибудь! Ничего подходящего не попадалось. Добрела до окна и отодвинула в сторону портьеру. Утро. Небо светлое, укутанное призрачной дымкой. Часов десять по ощущениям. Закрепив штору подхватом, Юлька огляделась и забралась в ближнее кресло с ногами. Сидела она недолго, за балдахином завозились, и через минуту оттуда выползла девушка. Всмотревшись, Юля узнала молчаливую служанку. Правда, на сей раз та выдала речь, достойную рекламного ролика. Горячо и долго сыпала непонятными фразами, то заламывая руки, то указывая на кровать, то утирая слёзы. Судя по тону, девушку обидело бегство принцессы из-под одеяла. Ну и порядки тут!

Как только красноречие служанки иссякло, Юля вытянула руку в сторону двери, для убедительности ещё и подбородком указала направление, куда проследовать негоднице. Та сгорбилась и засеменила к выходу. Не успела Юля успокоиться после стресса и вернуться в постель, как в смежной комнате послышались шаги. «Да у них тут целый табор расквартирован!» – внутренне возмутилась девушка, оставаясь в кресле и вглядываясь в темноту. Сначала показалась рука с небольшим масляным светильником, потом и вся фигура знакомого Юле старика. Установив плошку на тумбе рядом с Юлиным креслом, старик поклонился и вытащил из висящей на плече котомки два кожаных ремешка.

– Что это? – поинтересовалась девушка.

Незванный гость протянул один ремешок ей, а второй повязал себе на голову. Юля повертела в руках невзрачный аксессуар и после призывного жеста старика последовала его примеру.

– Теперь ты будешь понимать всё, что говорят, – сообщил он на чистом русском языке.

– А что же раньше-то? – возмутилась Юля.

Старик покачал головой.

– Редкий артефакт. Пришлось напрячься, чтобы восстановить его силу.

– Это что же? – с сомнением покачала головой девушка. – Мне так и ходить с двумя этими шнурками?

– У тебя будет один. Чтобы понимать, достаточно. А говорить по-нашему сможешь через три дня. Такая задержка.

Да разве это задержка – три дня на изучение иностранного языка! Только она не собирается тут задерживаться, вот что! С колдуном этими рассуждениями не поделилась, лишь постучала пальцем по лбу, глядя на чёрную полосу над седыми его кустами бровей, – не очень-то симпатично смотрится. Снимать нельзя?

Старик покачал головой:

– «Толмач» станет невидимым минут через десять, только на ощупь его найдёшь. Снимать не советую. Полежи пока, не попадайся никому на глаза.

Что ж, это можно. Юля выбралась из кресла, скользнула к постели. Старик забрал с тумбы плоску и потопал в другую комнату.

– И не поговорите со мной? – крикнула ему в спину Юлька.

Он покачал головой:

– Не надо, чтобы меня видели здесь. – Прежде чем скрыться, добавил: – Помалкивай. Тебя никто не поймёт, только напугаешь. Три дня, потом сможешь разговаривать.

«Ага, три дня. Щас!», – подумала девушка, зевая и закутываясь в одеяло.

Посетители шли косяком! Не успел исчезнуть колдун, как скрипнула другая дверь. Юля машинально нырнула под одеяло с головой, оставив щёлку. Неслышно ступая, в комнату зашла мама. Благодаря отодвинутой шторе утренние лучи высветили её стройную фигуру в длинном белом халате с ярким орнаментом по краю подола в виде фруктов и кувшинов. «По-домашнему, без церемоний», – подумалось. Наряд королевы не то чтобы не понравился Юльке, но показался слишком вычурным. Женщина подкралась ближе, прислушалась. Девушка изобразила сонное дыхание, вспомнив, как притворялась застигнутая за ночным чтением. Глубокий вдох, долгий выдох, пауза, снова вдох... С минуту посетительница не шевелилась. Юльке надоело, она уже собралась потянуться, будто пробуждаясь, но не успела.

– Я знаю, что ты здесь и слышишь меня, – сказала мать, обращаясь явно не к ней. – Девушка чуть приподняла край одеяла, увеличивая обзор, и заметила, как женщина в белом прохаживается по комнате, глядя на потолок: – Умоляю, доченька! Вспомни о долге! Вернись! – она указала на кровать, и Юля инстинктивно сжалась: кто сюда должен вернуться? Мать, помолчав, перевела взгляд в сторону окна и продолжила уговоры: – Это может получиться, пока твоё тело спит. Душа, призванная по ошибке, сейчас находится в другом мире. Так мне объяснили. Прошу, сделай это. Подумай о подданных, они нуждаются в тебе. Ты же видела, как ликовала толпа, когда слухи о твоей смерти не подтвердились.

Пройдясь по комнате туда и обратно, королева посмотрела на спящую, словно ожидая её пробуждения. Юля, помня просьбу колдуна не показываться никому, лежала не шелохнувшись.

– Не хочешь, – упавшим голосом сказала мать. – А ты подумала, каково мне придётся без вас? Муж третий год пропадает неизвестно где, дочь вознамерилась отправиться к Праматери... – тут она перешла на крик: – Я не владею фитрами! Стоит кому-то заподозрить, что это, – она снова указала на Юльку, – не ты, меня тут же погонят с трона пыльными тряпками.

Она ещё немного помолчала, будто ожидая ответа. Не получив его, заговорила вновь:

– Допустим, тебе не жаль свою мать, но чем тебе не угодили жители Росистых лугов? Начнётся война. Сначала главы могущественных родов затеют спор, кому из них править страной. Потом наши соседи из Болотных трясин спохватятся и нападут, пользуясь тем, что у нас больше нет фитров! Разве я не права?

Она была права. Юлька верила каждому слову этой женщины. Никакой логики не видела, но верила безоговорочно. Удивительно, что её дочь не спешит с криками: «Да, мамочка, я всё сделаю, мамочка» и не бросается обниматься. Юлька бы так и сделала, будь эти слова обращены к ней. Стоп! Если не она дочь королевы, то кто же? Села и уставилась на маму. Что в ней не так? Черты вполне привычные. Выражение лица слегка надменное, но у мамы бывает такое, когда она чем-то или кем-то недовольна...

– Хорошо спалось? – спросила та, поворачиваясь и скрестив руки на животе. Юлька кивнула. Мать одарила её улыбкой и, направляясь к выходу, сообщила: – Я велела тебе не тревожить. Надеюсь, долгий отдых пошёл тебе на пользу.

Проводив королеву взглядом, девушка вскочила с кровати. В комнате стало светло, и она сразу заметила стоящие рядом домашние туфли и аккуратно сложенный на стуле пеньюар. Мигом облачилась и, чуть не спотыкаясь, побежала в смежную комнату. Надо расспросить старика, что за путаница здесь происходит! Однако библиотека пустовала. Пройдясь мимо шка-

фов, заглянув за портьеры и под стол, Юля облокотилась на конторку и замерла. Хотя чему тут удивляться? Во сне и не такое бывает! Смириться с исчезновением человека из комнаты, не имеющей выхода, было нетрудно. Другое дело мать, не признающая тебя дочерью. Юля, бывало, обижалась на родительницу, перечила ей и поступала наперекор, но не до такой степени, чтобы от неё отказывались, пусть даже и во сне. Слезы подступили, в носу стало щекотно. Пыль ещё эта! Бьющие в окно лучи высветили миллиарды вьющихся словно микроскопическая мошкара пылинок.

– Не нравится мне здесь! – сказала девушка вслух и взглянула в зеркало, поблёскивающее словно гладь схваченного первым ледком озера.

Круглое зеркало висело между двумя шкапами, стоящими в нишах, и удивляло качеством отражения. Юлька казалась нереальной красавицей. Кожа светилась. Глаза выглядели больше и выразительнее, чем на самом деле, нос, который хозяйка считала широким, смотрелся вполне утончённо. А с фигурой что-то явно не так! Задрала рубашку, разглядывая выпирающие ключицы, обтянутые кожей рёбра, впалый живот. А уж грудь – лет в тринадцать у неё такая была.

– А ещё говорят, что у Коцея Бессмертного не было детей, – криво усмехнулась Юля, опуская подол. – Срочно качаться! Где тут тренажёрный зал? Она приблизила лицо к зеркалу. – Но мордашка – восторг! Свет удачно падает? – тронула стекло пальцем. – Вот бы домой такое.

Поверхность поддавалась нажиму: образовалась углубление и, как в пропечённом тесте, выправилось, лишь Юля убрала палец. Пытаясь, понять, что это за удивительный материал, девушка чуть не носом уткнулась в поверхность. Нанотехнологии!

– Ясная заря! Где вы, госпожа? – послышался встревоженный девичий голос из спальни.

Юля ещё раз всмотрелась в отражение и, убедившись, что ремешок на её голове стал незаметен, поспешила на зов. Что там стряслось? Неужели хорошая погода на заре так необычна, что надо вопить об этом на весь дворец? Едва она перешагнула порог, служанка – та, угрюмая, что спала ночью в Юлькиной постели – повалилась на колени:

– Ясная заря, чем я провинилась? Почему вы прогнали меня? Неужели я стала неудобна?

От обилия вопросов голова шла кругом. Юлька чуть было не ответила, но спохватилась: колдун предупредил, что её не поймут. Пожала плечами и, пройдя через комнату, остановилась около окна, будто заинтересовавшись верхушками сбросивших листву вётел. Служанка поднялась и взглянула исподлобья:

– Мне больше не нужно согревать вашу постель, госпожа? – Увидев, что Юля отрицательно качает головой, она вздохнула и робко спросила: – Прогоните меня? Я не могу потерять работу. Семья нуждается в моём жаловании: маленькие сёстры, больной брат. Отец выбивается из сил... – На сей раз отрицательный жест её обрадовал. – Умыться? Завтракать? Я мигом!

«Вот как это называется, – хмыкнула Юля, когда служанка со всех ног бросилась за необходимыми принадлежностями, – согревать постель».

После завтрака Юлю нарядили в знакомое платье со шнуровкой – постиранное и выглаженное – и повели на прогулку. Служанки топтались сзади, а рядом шествовали незнакомые девушки, как предположила Юля – фрейлины. Обращались они с ней как с больной: говорили мало и негромко, старались упредить желания. Собственно, желаний не возникало, девушка тарасилась на диковинные растения. Изумительные розы поражали разнообразием оттенков и ароматов. Одни пахли фруктами, другие – ягодами, третьи – мёдом. Юля улавливала запахи вина, ландыша, пряностей, даже мха с грибами. Особенно поразил её откровенно неприятный и резкий запах, напоминавший скипидар. Девушка поскорее отошла в сторону. Зачем посадили вонючий сорт в чудесном цветнике?

Налюбовавшись полураскрытыми бутонами и готовыми отцвести розами, девушка задрала голову, ожидая увидеть стеклянный купол. Она не сомневалась, что находится в гигантской теплице или в зимнем саду – поддерживать комфортную температуру и влажность

в осеннее ненастье невозможно на открытом воздухе. Над розарием синело небо – широкое окно в серой пелене, откуда лился поток ласковых солнечных лучей. Если и была крыша, то невидимая.

– Вам, наверное, неприятно здесь находиться? – фрейлина, отдалённо напоминающая пухленькую Ритку загородила тропу, ведущую к уединённой скамье. Юля собиралась там отдохнуть и удивлённо уставилась на девицу, та же озиралась, ища поддержки у подруг.

Другая спутница – прямая и жилистая, словно жердь – наградила толстуху презрительным взглядом:

– Знаешь, Лита, быть может, Ясная зря забыла, что именно в этом месте её пытались отравить.

Приподняв двумя пальцами подол и отставив локоть, Юля решительно двинулась к лавочке. Указывать ей ещё будут! Фрейлины поспешно расступились.

Пытались отравить! Ничего такого она не помнила. Возможно, это случилось в предыдущих бесследно исчезавших под утро снах? Место казалось уютным. Скамейку недавно отдраили, по сравнению с другими она выглядела почти новой, но усевшись, Юля заметила на листьях ближайшего куста бурые пятна, точно их побил ржавчиной. Перехватив её взгляд, Лита бросилась обрывать подозрительные листья, а третья фрейлина, до этой минуты сохранявшая безразличное спокойствие, возмутилась:

– Надо же, камень отмыли, а тут не заметили. Руки им оторвать!

Юлька обернулась за разъяснениями к Жерди, та покусала губу и сухо сообщила:

– Ничего страшного. Падая, вы ударились затылком. Когда вас несли во дворец, кровь сочилась из раны, вот и попала на листья.

Кивнув, Юля тронула затылок и сразу же нащупала затянувшуюся сухой коркой рану. Всё было до безобразия реально! Захотелось вскочить и убежать подальше, но она из упрямства продолжала сидеть, более того, взглядом пригласила и остальных расположиться рядом. На сиденье хватило места ещё двум девушкам, Лита, как самая объёмная, примостилась на подлокотнике, чуть навалившись на подругу, та, стиснув зубы, терпела соседство. Служанки мялись на главной дорожке, не решаясь показаться на глаза, но их перешёптывание улавливалось из-за куста. Жердь с намерением заполнить паузу, делилась познаниями о сортах посаженных неподалёку роз.

– Шелда, – всплеснула руками фрейлина, имени которой Юля пока не слышала, – откуда ты столько знаешь?! Просто поразительно, как можно запомнить все эти сложные названия!

– Будто не догадываешься, Ветти, она мечтает породниться с Аполами. И поскольку других достоинств не имеет, упирает на интеллект, – сказала толстуха и прыснула, прикрыв рот ладошкой. Ветти подхватила её смех, хитро поглядывая на Жердь, та выпрямилась ещё больше и осадила хохотушек:

– Вам обеим известно, что ни одна девушка не может присматривать себе жениха, пока не миновал отбор. Не сомневаюсь, что Зергэ Апол будет среди претендентов, и шансы стать женихом Юллы у него велики. Ум, формы и нрав других девушек его в настоящий момент не волнуют.

Все обернулись к Юле, будто надеялись прочесть на её лице ответ на волнующий каждую вопрос. Она же впервые слышала об отборе и о своём приоритетном праве на всех женихов на свете. Ответом девушкам стала беспомощная улыбка. Они дружно вздохнули и потупились. Шелда продолжила лекцию.

Её тусклый ровный голос убаюкивал, и вскоре Юльке надоело. Встать, пойти? Но куда? Цветник, несмотря на бесподобный климат, наскучил, в покои тоже не тянуло. Спросить совета у фрейлин она не могла. К счастью, к девушкам заглянула служанка-веселушка и защебетала:

– Секретарь Лучистой радости! Идёт сюда!

Девушки подскочили, точно им в попы одновременно воткнулись острые шипы. Ветти зарделась, Лита хитро ей подмигнула, а Шелда высокомерно глянула на обеих. Все они присели в реверансе, приглашая Юлю двинуться навстречу визитёру. «Секретарь Лучистой радости. Вот так должность, – промелькнуло в её голове. – Шут? Скоморох?» Выбравшись на главную дорожку, она обнаружила замершего шагах в пяти от них Илюху. Или как там его? Элиха – богатыря из первого сна. Путешествие у него на руках было тогда единственным приятным впечатлением. Выглядел парень иначе. В тот раз они с королевой шифровались, вырядились простолюдинами.

– Юлла приглашена на обед в покои Лучистой радости! – объявил Элих, глядя поверх девичьих голов.

У Юльки от мелодичного баритона перехватило дыхание. Секретарь, сочтя ритуал выполненным, посмотрел на неё и сделал приглашающий жест. Проводит? Класс! Дороги она не знала. Расправив плечи, Юля пошла вперёд. Фрейлины двинулись за ней, но Элих остановил их, показав раскрытую ладонь. Значит, пригласили без подружек. Опять мама затеет проработку!

Парень шагал впереди. Юля ничего не могла с собой поделать – пялилась на его ноги, обтянутые лосинами. Складывалось такое впечатление, что хорошо выделанную кожу сшили по тесной выкройке, намочили и натянули на человека. Высохла она так, что плотно обтекала каждую выпуклость: сильные икры, крепкие бёдра, круглые ягодицы. О! В низу живота стало горячо. Да что же это! Девушка заставила-таки себя перевести взгляд выше: замшевый жилет цвета молочного шоколада был стянут на талии коричневым ремнём – не слишком сильно. Тесная батистовая рубашка не скрывала рельефных бицепсов. Пожалуй, фотка этого «качка» порвала бы соцсети, попади она туда. Юлька не была любительницей таких типажей. Наоборот: не задерживаясь, прокручивала посты с полуголыми мачо. Но воспоминание о том, как сильные руки держали её в полутора метрах над землёй, будоражило сознание и закручивало внутренности в тугий узел. «Поскорее бы дойти, – шептала она, топая по анфиладе комнат». Мольба её дошла куда надо: сопровождающий остановился у высокой двустворчатой двери, украшенной всадниками на здоровущих баранах, и объявил:

– Ясная заря Юлла по приглашению правительницы!

Распахнувшие дверь стражники поклонились, Юля ступила на шерстяную дорожку, в которой туфельки утопали как в майской траве. Стараясь не наступать на розовые облачка, она добрела до гостиной. Неумело изобразив реверанс, заняла указанный матерью стул. В комнате никого кроме них не было, хотя овальный стол был сервирован на шесть персон. Увидев перед собой тарелку куриной лапши, девушка поморщилась – терпеть её не могла.

– Не представляю, как заведено там, откуда ты явилась, – сердито заговорила королева, – у нас принято есть, что дают. И помни, до утра больше ничего не получишь.

Юля пожала плечами и взялась за ложку.

– Итак, ты понимаешь наш язык, – констатировала мать и, дождавшись очередного кивка, спросила: – Тебя посетил Дюгор? – Не получив ответа, уточнила: – Тот шаман, что призвал тебя. Он привёз «толмача»? Собственно, больше и некому.

Она помолчала, наблюдая, как гостя давится лапшой, и позвонила в крохотный фарфоровый колокольчик. Тут же из боковой двери, замаскированной под картину – натюрморт с кувшином и фруктами, выскочил статный разносчик с блюдом. Увидев запечённые под сыром овощи, Юлька не сдержала радостного возгласа: «А-о-у!» Ну и зачем было мучиться? Подрумяненные, посыпанные красным перцем и мелко нарубленной зеленью кусочки картофеля, репы, кабачков и тыквы выглядели очень аппетитно. Девушка с удовольствием принялась за еду. Королева, словно ей передался оптимизм дочери, улыбнулась и умоляющим тоном заговорила:

– Никто не должен знать. Посещение Дюгором дворца, если о нём станет известно, вызовет непредсказуемую реакцию... – Она потёрла лоб, собираясь с мыслями, и спокойнее сообщила: – Наша поездка к нему была рискованной. Но тут выбора не оставалось. Это тайна, ты поняла?

– А как же Элих? – напомнила Юля. Из-за набитого рта фраза прозвучала невнятно, однако мать вытаращила глаза, как будто ей показали говорящую жабу.

– Юлла? Ты вернулась? – пролепетала она.

Юля проглотила пережёванный кусок картофеля и более чётко сказала:

– Нет. Меня зовут Юлия. Моя мама обыкновенный бухгалтер. Ну... не совсем обыкновенный, она заместитель главбуха, но всё-таки не королева.

– Я не королева, – едва шевеля онемевшими губами, поправился её мать Юллы. – Я – правительница. Лучистая радость. Почему ты разговариваешь? «Толмач» позволяет понимать чужую речь. Но не...

– Вообще-то колдун обещал, что только через три дня я смогу... Сама в шоке!

– В тебе магия... – то ли спрашивала, то ли утверждала правительница. – В вашем мире есть магия?

Юлька пожала плечами и принялась за остывшие овощи. Трапеза продолжалась в тишине. Со вторым блюдом было покончено, слуга установил в центре стола чайник, тарелку с бисквитами, вазочку с конфетами без обёрток и удалился. Хозяйка налила себе горячий напиток и жестом предложила Юле сделать то же самое. Девушка потянулась к чайнику, но отёрнула руку, услышав неприятный скрежет. Оглядевшись, заметила, что в раме около входа происходит движение: портрет принцессы уползает в сторону, его сменяет дядька – тот, что сопровождал Юлю в прошлый раз. Она взглянула на мать: что за «диафильмы» тут демонстрируют? Та протяжно вздохнула, звякнула в колокольчик и обернулась к Юльке:

– Молчи, чтобы не случилось. Мы вынуждены были объявить о твоей болезни, сказав, что ты потеряла голос, и восстановится он не скоро.

– Ладно. Мне не трудно.

– И ещё. Отбор отменить нельзя. Женихи уже в пути. Так что готовься.

Что ещё за отбор? Какие женихи? Девушка встрепенулась, но вопроса задать не успела, из-за дверей послышался голос Элиха:

– Тиннет Апол с сыном к правительнице!

Тут же дверь распахнулась, показав того самого дядьку. Лицо его, вчера вполне интеллигентное, на сей раз перекопилось от негодования. Однако, увидев Юлю, мужчина справился с собой, нацепил маску умиления и слегка наклонил голову:

– Ясная заря...

Юля, помня о просьбе матери, молчала. Следом за «дядькой» на пороге появился тот юноша, что хотел пообщаться с принцессой во время торжественного приёма. По всей вероятности, это Зергэ. О нём судачили фрейлины. В Апола-младшего, кажется, метит Шелда. Парень наградил Юлю презрительным взглядом, хотя улыбка на полных губах казалась приветливой.

Правительница отлично умела читать по лицам и, заметив, как корёжит Юлю от вида неожиданных гостей, повернулась к ней:

– Доченька, ты утомилась. Иди в свои покои.

Едва сдержав вздох облегчения, Юля встала. Стул с грохотом отодвинулся. Пока Аполы рассаживались, девушка скользнула к двери. Успела разглядеть, что лицо дядьки снова стало недовольным. На его кучерявого сына не смотрела, торопилась уйти. Оказавшись на мягкой ковровой дорожке, ведущей из покоев королевы, испугалась. Дальше-то куда? Как попасть к себе она не представляла. К счастью, в холле ожидала служанка. Хотя её кислый вид страшно раздражал, Юля обрадовалась, что не придётся плутать по дворцу.

– Быть может, желаете вернуться в розарий, госпожа? – спросила служанка, когда они миновали три или четыре комнаты, увешенные картинами в позолоченных рамах и заставленные резной мебелью: кушетками, столиками, креслами. Юля отрицательно завертела головой. Тогда девушка угодливо предложила: – Вы давно не навещали своего фитра. Он скучает.

О фитрах она слышала неоднократно, но что это за зверь, не представляла. Почему бы не узнать? Юля кивнула.

Покинув шикарные залы, они свернули в боковой ход и вскоре оказались в знакомом Юле полутёмном коридоре. Здесь Элих нёс её в спальню после посещения колдуна. Девушка поёжилась, словно ощутив боль, терзавшую тогда её тело, и сдавленно застонала. Плечи служанки напряглись, она сбавила шаг, но не решилась обернуться, продолжила путь и, пройдя шагов тридцать, притормозила у стенного шкафа. Там хранились тёплые вещи, а среди них знакомая меховая накидка. Служанка помогла Юле одеться и себе раскопала в глубине непрезентабельный тулупчик.

Коридор вывел на задний двор. К калитке они не пошли, свернули к неприметному зданию в глубине. Оно имело широкие ворота каретного сарая, боковую дверь и не застеклённые проёмы окон. За дверью оказался похожий на шахту метро тоннель. По одну и по другую сторону от него располагались пустующие стойла с засыпанным галькой полом и крохотными бассейнами с мутной водой. На ограждениях у входа в каждое отделение висели таблички. Надписи оказались понятными: работал «толмач». Там, где остановилась служанка – примерно в центре здания – значилось «Юлла». Заглянув в стойло, Юля никого не обнаружила. Всё та же галька на полу, тот же, напоминавший грязное каменное корыто бассейн. Хотелось поинтересоваться: где фитр? Но служанка деликатно отошла в сторону и уселась на деревянную скамейку, готовая к долгому ожиданию. Ничего не оставалось, как зайти за ограду. Захрустело под ногами, дохнуло влажным воздухом, и Юля ощутила упругое прохладное прикосновение – в живот что-то уткнулась. Инстинктивно оттолкнула невидимое существо от себя. Тихо. Смутилась: что это она, сама пришла навестить и сама же испугалась. Вытянула руки, ощупывая воздух перед собой. Пальцы утонули в уплотнённой прозрачной субстанции, за которой удалось нащупать твёрдую, но тоже невидимую поверхность. «Что же это?» – мысленно спросила себя. Нечто снова приблизилось и ласково тронуло бок. Девушка стала гладить неведомое существо, чувствуя, как оно дрожит, отзываясь на ласку.

– Что же ты любишь, милый? – прошептала Юля.

Никаких подсказок вокруг не было. Камень, вода... Заметила ёмкость с вмонтированным в крышку насосом. Дотянулась, качнула. Воздух заполнило облако мельчайших брызг. Существо задышало – его прозрачное тело расширялось и опадало, словно накачиваясь влагой. Юля качала. Фитр дышал. У неё рука устала и замёрзла. Мех накидки покрылся росинками, волосы стали влажными.

– Ну хватит, – сказала девушка. Фитр снова ластился к ней, а она, улыбаясь, гладила его прохладное тело. – Милый... Для чего ты нужен, интересно. Что с тобой делать?

Жаль, что пока она «немая» ни у кого не спросить.

Добравшись до кровати, Юля едва вытерпела переодевание и умывание, так устала. Свалилась без сил, даже не слышала, когда улизнала служанка.

Не успела насладиться тишиной и темнотой. Переливчатая мелодия будильника вернула к бодрствованию. Нет! Хочется полежать! Тянула одеяло на ухо, но оно ползло вниз:

– Юляшка! Опоздаешь на занятия! – мамочкин голос.

Села, шурясь: из коридора бил свет. Что же это за жизнь! Никакого отдыха. Только разберёшься со сновидениями, как реальные проблемы подоспели. Привычное утро, отработанные до мелочей действия – без необычностей. Спокойно.

В кабинет вошла со звонком. Следом за ней влетел Пашка, толкнул даже, так торопился:

– Ветрова! Дай дорогу! – Игнорируя Юлькино возмущение, завопил: – Пацаны! Психологии не будет! Айда во двор, в футбол погоняем!

Через три секунды мужская половина группы неслась по коридору. Лишь за последней партой склонился над смартфоном Валера Прохоров – единственный нелюбитель футбола из мальчишек.

– Джулия, ты текст по английскому перевела? – заканючила Дина, едва Юля уселась с ней рядом. – Дай списать.

– Сейчас переведём, не волнуйся.

Ветрова была любимой ученицей англичанки, и единственной в группе не имевшей проблем с этим предметом. Вскоре вокруг их стола столпились все девочки. Наташа, Настя, Вита и Дина записывали перевод под Юлину диктовку, Оксана и Рита правили приготовленный дома.

– Что здесь происходит? – отвлек учениц тенорок директора колледжа. – Ветрова! Что это за посиделки? Где остальные?

Разбежавшиеся по местам девочки таращились на тщедушного Игната Петровича и возвышавшегося рядом с ним незнакомого симпатичного паренька.

– Нам сказали, что психологии сегодня не будет, – привстала Рита, – мальчики пошли в футбол играть...

– Приведи-ка их сюда, – велел ей директор, – вместо психологии проведём экономику. Иди-иди, не тушуйся!

Когда недовольная тем, что высунулась, Ритка покинула кабинет, Игнат Петрович оглядел притихших девочек и объявил:

– У нас новый ученик. Прошу любить и не обижать. Сергей Солодовников.

Сергей стоял с отсутствующим видом, словно речь шла не о нём. Дина прошептала на ухо Юльке:

– Классный какой! Интересно, есть у него девушка?

– Прикинь, – тоже шёпотом ответила Юля, – он мне снился.

– Не ври! – ревниво возмутилась подруга.

Обе они заинтересованно наблюдали, как новичок прошёлся между рядами парт и сел рядом с Оксаной. Та благосклонно улыбнулась, не возражая, хотя обычно на этом месте сидел Паша. Что ж, сам виноват: нечего убежать с уроков.

В остальном день казался обычным. Юля получила пятёрку по английскому, но её первенство оказалось под угрозой: Солодовников, довольно подкованный в этом предмете, тоже отвечал на отлично.

Возвращаясь домой, подруги обсуждали новичка.

– Оксан, – уговаривала её Дина, – давай завтра местами поменяемся!

– Это ещё зачем?

– Ну, ты же с Пашкой дружишь! А ему пришлось с Валерой садиться. Страдает. Разве ты не заметила?

– Ему полезно, – засмеялась Оксанка и, полюбовавшись огорчённым лицом Дины, согласилась: – Лады. Переходи завтра на мою парту.

Дина обрадовалась и зачем-то объявила:

– А Серёжа Ветровой снился. Она сама призналась!

Пришлось Юле в подробностях рассказывать о своих снах. Так за разговорами незаметно дошли до дома.

Глава 3. Третий сон Юлии Ветровой

С заданиями на следующий день Юля справилась быстро. Телевизор смотреть не стала, в социальные сети тоже не сунулась. Хотела спать и улеглась едва ли не в девять.

– Ты простыла? – заглянула в комнату мама.

– Нормально всё. Почитаю в постели, – схитрила Юлька.

Мама осуждающе покачала головой, ничего не сказав.

Девушка выключила свет, но уснула не сразу. Её охватило беспокойство. Нужно ли ей очередное сновидение? Пожалуй, нет. Много бы она дала за такую ночь, какими они были раньше. Но, скорее всего, сейчас опять начнутся приключения. Фрейлины, служанки, Элих, Зергэ ... Поразмышляла о новичке. Серёжа ей снился, и даже имя было созвучным, хотя они никогда не встречались наяву. Подруги этому не поверили.

– Запала, так и скажи, – язвила Вита, – нечего небылицы сочинять!

– Нисколько не запала! – спорила Ветрова, но девочки только посмеивались.

Сейчас она изучала свои впечатления с пристрастием. Понравился новенький? Нет! Взгляд у Солодовникова болотный какой-то, словно в трясику затягивает: тонешь и чувствуешь, что это не к добру. С мыслями о Сергее заснула, с мыслями о Зергэ пробудилась. Было ещё темно, однако по ощущениям стало понятно: опять покои принцессы. В воздухе витал едва уловимый запах виноградного уксуса, сильно накрахмаленное и оттого шершавое постельное бельё источало щелочной аромат хозяйственного мыла. Пошарила вокруг – пусто. Уф! Ощупала себя – худосочное тело. Рывком поднялась. Надо собой срочно заняться. Сползла на пол – холодный. Нашла туфли. Не слишком удобные, но сойдут. Попрыгала на месте, согреваясь. Пробралась к окошку, раздвинула шторы. Рассвет только-только добавил молока в чёрный кофе ночного неба. Пока все дрыхнут, можно сделать зарядку. Наклоны, приседания, рывки... Запыхалась, но выполняла. Для выпадов и махов длинная ночнушка не приспособлена, пришлось задрать подол и завязать узлом на талии. Получилось что-то типа мини-платьичка с юбкой пузырьком. Раз-два, три-четыре... не жалела себя Юля. Она разгорячилась, дыхание стало глубоким, частым, пульс зашкаливал. «Работай! Работай! – подгоняла она себя. – А то ишь, распустилась! Одни мослы...».

Так увлеклась, что не сразу заметила вошедшую в спальню служанку. Та, позабыв о вечной улыбке, застыла на пороге с открытым ртом. На очередном резком развороте, Юля пересеклась с ней взглядом.

– О! Ты? – тяжело дыша, спросила она и «поздоровалась»: – Ясная заря!

– Это вы... Вы – Ясная заря... – оторопела служанка, – к вам так обращаются, госпожа.

– Да? – Одёргивая подол, Юля поинтересовалась: – А к тебе как обращаются?

– Я – Тутти.

– А подружка твоя?

– Она – Молли.

– Хорошо, – Юля подошла к Тутти, похлопала её по плечу. – Не переживай так. Я болела, начались проблемы с памятью. Ничего, пройдёт.

– Совсем ничего не помните, госпожа? – всплеснула руками служанка. Юля кивнула, а Тутти сокрушённо вздохнула: – Вот беда! И как только Диин отважилась на это!

– Дина? – удивилась Юля. – На что отважилась?

– Угостить вас отравленным яблоком. Вы помните Диин?

– Конечно! Это моя лучшая подруга, ещё бы не помнить! Говоришь, она отравила?

Тутти кивнула и тут же завертела головой, отрицая:

– Не верится. Она вам предана с юных лет! Неужели, правда? Так жаль...

Рассуждая о Дине и их многолетней дружбе с Ясной зарёй, служанка водрузила на табурет таз для умывания и кувшин с подогретой водой. Юля стояла, уперев руки в бока, и кричилась. Кожу её по всему телу стягивала тонкая плёнка подсохшего пота, одним умыванием не обойдёшься

– Погоди-ка, Тутти, а душ можно где-нибудь принять? – она потёрла свои плечи.

Девушка замерла на миг, потом присела в стремительном реверансе и зачистила:

– Простите, госпожа, я не догадалась! – кинулась в угол, где ширма прятала дверь в комнату, используемую Юлей как туалет. – Забыли! Идёмте, я покажу.

В помещении площадью приблизительно четыре квадратных метра у дальней стены имелось углубление в полу с двумя ступенями, куда можно встать, и уходящей в неведомую глубину дырой между ними. В полуметре от ступеней из стены торчала короткая труба с вентиляем. Если его крутануть, из трубы хлестала струя воды. Юлька использовала её для смыва и не представляла, как с её помощью можно искупаться. Однако всё оказалось удобнее. Тутти нажала на едва заметную клавишу в боковой стене. Из потолка возникло облако брызг, похожее на то, каким Юля кормила фитра. Это, конечно, не привычный душ, но освежиться поможет.

– Мыло где?

Мыльной водой потолок брызгался, если надавишь на клавишу в противоположной стене. Понятно. Юля поблагодарила за объяснения, а служанка, прежде чем удалиться, хлопнула по дверце слева от входа. Там обнаружился шкафчик-пенал с полками и корзиной внизу. На полках лежали полотенца, бельё, стояли склянки с навешенными с помощью бечёвок этикетками.

Спустя десять минут посвежевшая Юля вышла из душевой. В качестве смены белья она выбрала обтягивающие шортики и топ-трубу из хлопка. Бюстгалтера в шкафу не нашлось, да он и не особо требовался. Стол к завтраку был накрыт, а Тутти стояла, улыбаясь во весь рот и держа на весу платье для прогулок.

– Послушай-ка, брюк не найдётся? Или джинсов? – сморщила нос Юля. – Видя, как улыбка исчезла с лица служанки, а брови удивлённо поползли вверх, пояснила: – Штаны! Портки... как это тут называется?

Она собиралась побегать, а в платье до земли это будет проблематично. Тутти сквознячком скользнула к огромному гардеробу, упрятала туда платье и выудила «брючный костюм». Это оказались шаровары из тонкого драпа и просторная льняная рубаха прямого кроя, длиной до середины колена. Пойдёт. Облачившись, Юля села завтракать, а служанка болтала о пустяках, приняв на себя роль помощницы по «восстановлению» памяти принцессы. Речь снова зашла о подруге Ясной зари.

– Мне бы с ней поговорить, пригласишь сюда? – попросила Юля, ей хотелось взглянуть на здешнюю Дину. Раз мамина близняшка обнаружилась, почему бы лучшей подруге не оказаться точь-в-точь такой, как в реале?

Тутти сокрушённо покачала головой:

– Она в узилище.

– Где?

– В казематах... В подвалах тюремной башни, – на глазах девушки показались слёзы. – Казнят вашу фрейлину. Так жалко! Она была доброй, весёлой, всегда подбодрит, пошутит, утешит...

Дина как живая предстала перед глазами. Каждое слово служанки подходило Юлиной подруге. Точно, это она! Нельзя допустить, чтобы с Диной случилось что-то ужасное!

– Проводишь к ней? – решительно поднялась Юля. – У меня есть вопросы!

– Не смогу, – голос у Тутти дрожал, – караульные без приказа правительницы не пропустят. – Уловив задумчивое выражение на лице госпожи, она покачала головой: – Лучистая радость не позволит, даже не пытайтесь просить. Такой шум был! Всю родню Диин с позором выгнали из дворца. Суд назначили на завтра. Так жалко!

Да уж, жалко. Юля прошлась по комнате, остановилась у окна. Солнце поднялось и сияло в безоблачном небе, словно забытый прожектор. Удачная погода для пробежки, но настроение пропало. Не оборачиваясь к Тутти, она спросила:

– Элих сумеет помочь?

– Секретарь правительницы, – задумчиво протянула служанка, – всегда действует по приказу Лучистой радости. Ему доверяют. Но согласится ли, не знаю.

– Позови его сюда. Я найду слова для уговоров. – Тутти выглядела испуганной. Видя, что девушке трудно решиться, Юля предложила: – Боишься сама, пошли вторую. Молли.

– Молли отправилась навестить брата и сестёр, как всегда по субботам, – отвела глаза Тутти.

– Ну так что? Будем ждать, когда мою подругу казнят? Даже не выслушаем оправданий?

– Я попробую, – служанка присела в реверансе и выскользнула из спальни.

Элих прибыл буквально через пять минут, упрасивать его не пришлось. Заметно было, что парень и сам переживает за фрейлину и не прочь порасспросить её. Одевшись в удлинённый тёмно-серый кафтан, набросив на голову платок из серебристого козьего пуха, и сунув ноги в рыжие кожаные сапожки, Юля поспешила за Элихом. Сегодня он не выглядел так торжественно как вчера, обошёлся просторными шерстяными брюками и свитером крупной вязки. Видно, Тутти всё-таки предупредила его.

Торопливым шагом преодолели двор, прошли вдоль ограды и остановились около входа в невысокую кирпичную башню, похожую на старый бочонок. Дежуривший около неё стражник, вытянулся, кося глазами то на Юлю, то на её спутника. Девушка опасалась, что парень не пустит их, но авторитет секретаря правительницы оказался непререкаемым. Захрустел потревоженный огромным ключом замок, цокнула отброшенная дужка, скрипуче поддалась нажиму дубовая дверь. Из башни дохнуло сыростью, плесенью, мышами. Через порог обнаружилась метровая площадка. Он её шили две лестницы со ступенями из криво подогнанных камней. Одна вверх, другая вниз. Элих спускался первым, прихватив из ниши масляный фонарь. Миновали два довольно длинных пролёта и оказались в коридоре с земляным полом и сочащимися влагой стенами.

– Неужели она здесь? – шептала Юля, дрожа от нервного напряжения.

Элих протянул ей фонарь и указал на решётку, отделяющую выдолбленную в стене пещеру от коридора:

– Идите, Ясная заря. Я подожду здесь.

Спотыкаясь о неровности и камни, Юля бросилась вперёд и замерла около решётки. В черноте, за кругом неровного света её фонаря, послышался шорох соломы. Гроыхнул металл. Прикрывая ладонью глаза, оттуда выползла Дина. Она поднялась на ноги и, взяла свободной рукой груз, к которому вела цепь от её щиколотки, и шагнула ближе:

– Юлла! Пришла!

– Дина!

Это была она, Юлина подруга. Даже в истрёпанном длинном платье, с перепачканным грязью лицом невозможно было её не узнать. Синие, распахнутые глаза сияли, ноздри вздёрнутого носа трепетали.

– Ясная заря! Я не виновна. Никогда бы не причинила тебе вреда! И никто не смог бы меня заставить, – слёзы катились по осунувшимся щекам, оставляя светлые дорожки. – Лучше бы я сама съела это яблоко! Оно предназначалось мне.

– Кто дал тебе его, Дина?

Узница наклонила голову и замотала ей, отказываясь отвечать. Были слышны слабые всхлипы.

– Это важно! Скажи! – требовала Юля. – Кто?

Хруст мелких камушков возвестил о приближении Элиха. Он отстранил Юлю, пытавшуюся дотянуться до подружки и забрал фонарь:

– Не надо прикасаться к ней.

– Секретарь? – подняла голову Дина. – Уже?

Парень покачал головой:

– Завтра, Диин.

Девушка уронила груз, громыхнув цепью, и схватилась за прутья решётки.

– Попроси принести мне воды.

– Хорошо, – пообещал Элих и обратился к Юле: – Идёмте, Ясная заря. Меня могут хватиться.

Поднимались обратным порядком: Юля – впереди. Элих шёл шаг в шаг, держа фонарь над её плечом, чтобы освещать ступени. Девушка чувствовала на щеке его дыхание и улавливала знакомый травяной аромат. Крапива! От Элиха пахло крапивой. Она не думала ни о нём, ни о себе. В груди колючим комом ворочалась жалость к томящейся в подземелье горемыке. Юля пыталась убедить себя, что это не её реальная подружка, а всего лишь похожая девушка. Точно так же, как правительница – не мама, а дубль. Не слишком удачный, надо заметить. И всё-таки в искренность Диин она не могла не верить.

– Напой узницу, – выйдя из башни, приказал Элих стражнику.

Тот с сомнением покачал головой:

– Не велено отлучаться.

– Давайте, я отнесу! – встряла Юля.

Караульный выпучил глаза и пробормотал:

– Не утруждайте себя, Ясная заря! Всё сделаю.

Убедившись, что парень зачерпнул ковшом воду из стоящей неподалёку бочки и скрылся за дверью, Юля и Элих отправились в обратный путь. Молчали. Она кусала губы и то и дело тёрла пальцами веки. Он вздыхал, не поднимая взгляда от тропы под ногами. «Надо что-то делать! Надо помочь ей...» – шептала Юля себе под нос. Спутник то ли услышал, то ли догадался, о чём она бормочет и сказал:

– Покушение на дочь правителя прощать нельзя.

– Это доказано? – она остановилась и взглянула прямо в лицо Элиху.

Он опять вздохнул:

– Никто кроме вас не может знать наверняка. Динн призналась, что дала яблоко. Остальные фрейлины гуляли около фонтана и прибежали на крик.

– Выходит, свидетелей нет, – рассуждала Юля.

Элих кивнул и, помявшись, спросил:

– Как всё было?

– Я не помню. – Спыхватившись, она поправилась: – Поначалу вообще ничего не помнила, а теперь кое-что начинает всплывать.

– Уже послезавтра будет поздно, – очередной раз вздохнул Элих.

– Нельзя отменить казнь или хотя бы отложить?

– Правительница желает покончить с этим, пока во дворце не появились кандидаты на отбор.

Ах да! Ещё этот отбор! Мать говорила, что женихи в пути, – вспомнила Юля.

– Мне бы с ней побеседовать, – она снова взглянула на Элиха.

– Передам вашу просьбу. Но не раньше вечера, думаю. Апол показывает ей поля с экзотическими фруктами. – Он с улыбкой посмотрел на Юлины шаровары:

– Вы тоже собирались на верховую прогулку?

– С чего ты взял?

– Костюм...

– А что? Можно покататься на лошадях? – заинтересовалась девушка.

Тут Элих не сумел скрыть удивления:

– На лошадях? Зачем же. Для этого в Росистых лугах используют фитров. – Заметив, как удивлена Юля, он предположил: – Этого тоже не помните?

Она отрицательно покачала головой, пытаясь вообразить, как именно можно использовать невидимое существо для верховых прогулок.

– Я бы хотела попробовать...

– Кто будет вас сопровождать?

Юля ни с кем кроме Элиха, Зерге и фрейлин не успела познакомиться. Она пожала плечами:

– Обязательно нужна компания?

– Несомненно. Шелда – любительница полетать. Ветти тоже не откажется. Я, если не возражаете, готов составить компанию.

– Отлично! Когда?

– У меня есть одно поручение. Через полчаса освобожусь.

На том и разошлись. Элих отправился по делам, Юля помчалась к себе, предвкушая необычное приключение. Наконец-то она полетает! И не в карете, как в прошлый раз, а оседлав ветер!

Представление о «скачках» на фитре оказалось ошибочным. Выйдя вместе со спутницами на площадку у ворот, Юля увидела три паланкина, парящие в полуметре над землёй. Шелда заняла серебристый, Ветти села в бирюзовый, для Юли предназначался золотой. Пришлось залезать туда. Обитое бархатом кресло было мягким, шатёр над головой довольно высоким, окна – широкими, позволяющими обозреть всё вокруг, большая часть пола – прозрачной, и сейчас сквозь него виднелась брусчатка. Прогулка обещала быть комфортной, но Юля разочаровалась. Не того она хотела. Особенно досадно ей стало, когда подъехал на своём фитре Элих. Парень уселся на коврик, будто наброшенный на невидимого пони.

– Как этим управлять? – шёпотом спросила Юля служанку, та заботливо укутывала ноги госпожи шерстяным пледом. Тутти вскинула брови, но припомнив, что у Ясной зари проблемы с головой, объяснила:

– Фитры слышат. Вам достаточно приказать, чтобы он следовал за Элихом.

– Следуй за Элихом, – прошептала Юля в пол, когда служанка отошла.

Кавалькада взмыла на высоту около пятидесяти метров. Летели со скоростью велосипеда. Это позволяло всё хорошенько рассмотреть. Вокруг – осеннее серое небо, внизу – полупрозрачные перелески, сжатые поля, блестящая гладь реки, дорога с ползущими по ним путниками. Неспешное путешествие напомнило, как они с подругами катались на воздушном шаре. От охватившего её восторга, Юлька тогда до хрипоты орала песни. Вот и сейчас затянула любимую: «Полёт» группы «Браво»

– ... Здесь над облаками

Сердце больше не болит.

Здесь теряют смысл все слова.

Сквозь циклоны, грозы

Сквозь сомненья и мечты.

В поисках неслыханных чудес...

На этот раз никто не подпевал, но Юле казалось, что паланкин покачивается в такт песне:

– ...Рано утром взять свой курс

В созвездие весов,

Рассекая вакуум как пирог.

Пугать метеориты

Словно стаи диких псов,

Световой преодолев порог...¹

Замолчала певунья, лишь обомлев от вида буйствующей зелени, открывшегося за очередным холмом.

– Что это? Почему здесь лето? – спросила она вслух, ощущая тепло дыхания встречного ветерка, несущего сладкие ароматы бананов, ананасов, персиков, и удивляясь глянцевому блеску листы.

– Владения Тиннета Апола, – прозвучало у неё в голове.

Что это за способ связи? Юля беспомощно оглядывалась в поисках абонента. Голос, напоминавший жужжание шмеля, не походил ни на один из слышимых ей раньше. Нерешаемая задачка отняла силы. Всю оставшуюся дорогу путешественница сидела, понурившись, разглядывала свои перебиравшие бахрому пледа пальцы и переживала за Дину. Вернее, за Диин – вариант подруги в ином мире. Юля впервые усомнилась, что видит сон. Что если это параллельный мир? Восстанавливая в памяти обрывки разговоров, замечания, сделанные матерью и колдуном, она готова была допустить, что ошибалась. Пока она спала у себя, её призвали сюда, проведя незаконный обряд. Что-то вроде этого.

– Так это или нет, моя это Динка или подруга дезертирши Юллы, а спасти её надо! – прошептала она, комкая край пледа.

– Надо! Надо спасти! – снова зашелестело в голове.

Юля усмехнулась: «Либо у меня раздвоение личности, и я разговариваю сама с собой, либо Юлла пытается до меня достучаться».

Как только золотой паланкин снизился и завис над площадью, Юлька выбралась и побежала к Элиху, спрыгнувшему со своего ковра. Секретарь обернулся на звук шагов, растерянно заморгал и согнулся в полупоклоне:

– Вы довольны прогулкой, Ясная заря?

Девушка, не ответив, махнула фрейлинам, чтобы уходили. Те слаженно присели в реверансе и, поминутно оглядываясь, неторопливо двинулись к дверям.

– У меня к тебе дело, Элих, – заговорщицким тоном сообщила Юля.

Парень знаком показал слугам, чтобы те забрали его фитра вместе с остальными и замер, ожидая продолжения разговора.

Переплетя пальцы и прижав руки к груди, Юля жалобно спросила:

– Поможешь мне вызволить Диин из темницы?

– Я готов. Но как?

– Есть план. – Она тронула локоть Элиха, но сразу убрала руку, увидев, как густо покраснел парень. – Сейчас мы пойдём в башню. Скажешь стражнику, что правительница позволила Диин прогуляться. Мы спрячемся в кустах и обменяемся одеждой.

– К-к-кто обменяется одеждой?

¹ слова: В.Родионов

– Какой непонятливый, – возмутилась Юля, – мы с подругой, конечно! Сложением мы похожи. Ну... почти похожи. Если замотать шалью голову, никто не разберёт.

– Простите, Ясная заря! В толк не возьму. Зачем это нужно?

– Ты сможешь Дине сбежать, а я займу её место в камере. – Изучив ошарашенное лицо Элиха, она пустилась в новые объяснения: – Завтра, когда соберутся казнить одну девушку, обнаружат вместо неё другую. Меня! Ну? Въезжаешь? Ясную зарю никто не станет убивать. Вот и всё.

Элих вздохнул, улыбка тронула его губы, но глаза оставались печальными:

– Вас не тронут... Казнят меня. А дня через два разыщут Диин, и тут уж ей ничего не поможет. – Он помолчал, рассматривая огорчённую девушку, и сказал: – Не думайте, что я боюсь. Не так уж и дорога мне жизнь. Готов отдать её по вашему слову.

– Никакого слова нет! – испугалась она. – Что? Глупый план? Почему думаешь, что Диин не сможет скрыться?

– Вы забыли о Жерло Ватсе?

– Кто это?

– Ватсы обладают поисковой магией. Младший, по имени Жерло, спешит на отбор. Он, без сомнения, постарается угодить правительнице и разыщет беглянку.

– Но Диин – не преступница! Я попрошу этого Жерла не искать её!

– Здесь решает слово Лучистой радости. Ни вас, ни меня слушать не станут.

Юлькины губы задрожали, горячие слёзы выпутались из ресниц, покатались по щекам. Элих выхватил из манжеты платок и протянул девушке.

– Неужели ничего нельзя сделать? – шмыгнула она носом, промокая мёрзнущие на ветру веки.

– Скажите правительнице, что вспомнили, как всё было. Что Диин не виновата. Попросите ради предстоящего праздника помиловать её.

Юля кивнула и, сжимая в кулаке белую ткань с вензелем «Э», поплелась во дворец. Всё бесполезно! Уж кто-кто, а правительница прекрасно осведомлена о том, что Юля ничего вспомнить не может.

Обед накрыли в буфетной. Вход туда находился напротив спальни, но Юля до сих пор не успела там побывать. Комната выглядела уютной и оформлением напоминала дворянскую усадьбу девятнадцатого века. На блестящем натёртом воском дубовом паркете разлёгся тёмно-красный ковёр с неброским орнаментом. Круглый стол покрывала золотистая скатерть, испещрённая коричневыми плавными линиями. Она свисала донизу, лаская ковёр длинной бахромой. В тон ей были обиты стулья и кушетка. Гладкие бледно-коралловые стены украшали многочисленные картины: пейзажи, натюрморты, портреты.

После прогулки аппетит разыгрался, но Юля не замечала вкуса блюд. Жевала, тупо глядя в одну точку. Суевившаяся вокруг Тутти, робко поинтересовалась:

– Вам нездоровится, госпожа? Прогулка не порадовала? – не дождавшись реакции, она принялась нахваливать особенно удачный пудинг и свежайшие фрукты: – Вот, пожалуйста – манго! Господин Апол умеет удивить. Семена невиданных растений привозит из дальних стран.

– И что? – очнулась от грустных дум Юля. – Вызревают в нашей полосе? Как такое возможно?

– Магия! – подмигнула служанка. – У их семейства сильная магия. Вот, кажется, алебарду воткнул в камень, и та зацветёт.

– А яблоко, каким меня Диин угостила, тоже Апол вырастил?

– Этого я знать не могу! – отшатнулась Тутти и схватилась за графин: – Соку свежее-жато желаете? Водой разбавила, как любите.

Обе девушки вздрогнули от резкого окрика:

– Выйди! Оставь нас одних! – на пороге стояла сердитая правительница.

– Лучистая радость! – служанка поспешно поставила графин и глубоко присела, кланяясь.

– Прочь! – женщина, затаенная в стесняющее движения длинное чёрное платье, направилась к столу и уселась напротив Юли. Как только за Тутти закрылась дверь, мать процедила сквозь зубы: – Не смей делать таких предположений!

Юлькина кожа мгновенно покрылась холодным потом. Ужас какого-то мистического свойства, смешанный с чувством вины, подавлял сознание. Но в глубине, под всей этой мутью, ворочалась досада, и девушка, едва шевеля онемевшими губами, прошептала:

– Это почему же?

– Не твоя забота, вот почему.

С минуту они сверлили друг друга недовольными взглядами. Юля, хоть и согласилась внутри себя со словами матери, из упрямства противоречила ей.

– Диин моя подруга. Я переживаю за неё.

– Не твоя.

– Моя.

Правительница поставила локти на стол, подпёрла подбородок кулаками и внимательно смотрела в лицо Юле. Та сжалась под стальным взглядом, словно маленькая девочка, случайно испортившая новое платьице и ожидавшая наказания за этот безобразный проступок. Она насупилась, с испугом наблюдая за своими чувствами. Как смеет она спорить с мамой? Мать всегда права, она лучше знает жизнь. Кто такая Юля, чтобы иметь собственное мнение?

– Ты можешь простить покушение на Ясную зарю. Я не могу. Моя дочь умерла! – словно камни на металлический поднос падали слова матери.

Да, это так. Юлла умерла, а призванная из другого мира девчонка совсем не подходила на роль Ясной зари. Но ведь она не навязывалась! Её выдернули из безмятежно почивающего тела и швырнули в круговорот событий, не спрашивая согласия. Юля поводила пальцем по линиям на скатерти, пытаясь унять дрожь, потом взялась двумя руками за край стола и наклонилась к собеседнице:

– Вы отомстите за смерть дочери, послав на смерть невинного человека, а настоящий убийца будет гулять и посмеиваться.

Женщина прикрыла глаза и покачала головой, не веря, что самозванка смеет ей возражать.

– Откуда такая уверенность?

– Вспомнила! – с вызовом сказала Юля. Заметив усмешку на лице матери, она разозлилась ещё больше и выпалила, не контролируя смысл фразы: – Я вспомнила, откуда взялось яблоко. Завтра... Нет! Сегодня же буду всем, кто согласится слушать, говорить об этом! Его отравил...

– Не посмеешь... – зашипела правительница.

– Ещё как посмею! Уже сейчас люди сочувствуют Дине, а что будет завтра?

Женщина резко встала, стул с глухим стуком упал на ковёр.

– Будь разумной! Держи при себе свои догадки, – твёрдо произнесла она.

Звучало это как заклинание, и Юля не могла не поддаться ему. Девушка тоже встала и, собрав всю свою волю, взглянула прямо в глаза матери:

– Умоляю, вызовите меня на суд. Я буду свидетелем защиты. Диин должны оправдать.

– Хорошо. Вызову. Но ты тоже выполнишь мою просьбу.

– Ладно, – поспешно согласилась Юля.

Правительница неторопливо прошла к дверям и оттуда, не оборачиваясь, сказала.

– Складывается впечатление, что ты унаследовала мой дар. Тогда как у дочери и следа его не было.

Юля не шевелилась. Разглядывала закрывшуюся дверь – белую с очерченными золотом коралловыми филёнками. Спустя миг в проёме возникло любопытное лицо Тутти:

– Госпожа, фрейлины ждут вас в розарии, подышать перед сном.

Да. Стоит, пожалуй, притворить угрозы в жизнь. Девушка решительно пошагала за служанкой. Цветник встретил тёплым воздухом и умопомрачительной смесью ароматов, усилившихся в сумерках. Юля пошла к фонтану, где запахи были не столь яркими. Журчание воды успокаивало. Болтовня фрейлин развлекала.

– Восхитительная была прогулка! Напрасно ты не поехала, Лита. – Ветти подмигнула Юле.

– Мой фитр слишком молод. Он не поднимается так высоко, – оправдывалась толстушка.

– Скажи лучше, что ему не под силу взять твой вес! – хихикала Ветти.

Лита отвернулась. Шелда задумчиво проговорила:

– Всё бы вам цапаться. А завтра суд, между прочим. Нашу подругу... – она осеклась, искоса взглянув на Юлю.

– Диин оправдают, – отозвалась та. – Я выступлю в её защиту.

Фрейлины дружно обернулись и заговорили все разом:

– Вы вспомнили?

– Диин не знала, что яблоко отравлено?

– Кто тогда виновен? Кто?

После лавины вопросов наступила тишина. Юля не чувствовала за собой права обвинять кого бы то ни было, не имея доказательств, поэтому лишь покачала головой:

– Завтра. Всё завтра. Но я очень надеюсь, что Диин освободят.

Она пошла по дорожке, по пути сорвав с ближайшего куста огромный бутон – алый с оранжевой окантовкой. Под ногами хрустела гранитная крошка, на неё, планируя, опускались оборванные лепестки.

Хотя завершение дня с уверенностью можно было назвать хорошим, уснуть Юля не могла. Вертелась в постели, не находя удобного положения. Правильно ли она сделала, вступившись за Диин? Что если фрейлина действовала обдуманно?

Нет! Лучшая подруга не могла так поступить! Только не Дина! Но это не совсем Дина. Вот, и Юлла, по словам мамы, не похожа на Юльку! Не только внешне, но и характером. Девушка села в кровати, зачем-то отодвинула балдахин и сквозь щель оглядела погружённую в сумрак спальню.

– Ты здесь? – прислушалась. В углу тихонько скреблась мышка. – Юлла!

Тишина. Странно было надеяться, что мёртвая принцесса отзовется, но жужжащий голос звучал в Юлиной голове там, в воздухе. Если это была не она, то кто?

– Неважно, – решительно заявила Юлька. – Мать верит, что ты находишься рядом со мной. Значит, должна быть в курсе. Завтра я скажу, что Диин тебя не травила. Просто предупреждаю: если она виновата, возвращайся в своё тело и выступай на суде сама. Поняла?

Упав на подушку, Юля зажмурилась и заставила себя глубоко дышать. Через минуту уснула.

Глава 4. Который из двух?

Очередной глубокий вдох заполнил бронхи густой жижей. Юля испуганно открыла глаза и сквозь мутную пелену увидела усыпанное звёздами небо. Повела руками, тревожа взвесь вокруг себя. Поднятый её падением осадок – ил, водоросли, тина – пеленал ноги. Она тонула! Звёзды медленно удалялись. На их фоне возник силуэт мужчины. Фонарь осветил поверхность воды. Папа! Юля забарахталась. «Папа! Я здесь!» – кричала, или ей только казалось, что кричит. Косяк пузырей, взорвавшийся у лица, устремился вверх.

– Дорогой! Здесь нет никого, – незнакомый женский голос.

– Да. Показалось, – отец выключил фонарик и пошёл прочь.

– Папа-а-а! – вопила Юлька, но её безвозвратно утягивало на дно. Она почти не видела звёзд, мгла густела, ужас сменялся тупой тревогой: что дальше?

Тихий мамин зов расслышала не сразу, а расслышав, приняла за галлюцинацию. Всё конечно.

– Юляшечка! Проснись, ласточка моя! Что с тобой?

Ещё надеется на встречу. «Милая, добрая мама, только тебе я нужна, больше никому», – вяло текли мысли в Юлиной голове.

– Скорая! – кричала мама. – Не могу ребёнка разбудить! ... Восемнадцать... Что мне делать?

В мягкой гуще Юлины ноги нащупали твёрдую поверхность. Дно притягивало: лечь, всколыхнув чёрно-зелёную хмарь, забыться, отдохнуть... Лишь мамин встревоженный голос, диктующий адрес, путающийся в простейших вопросах, не отпускал. «Мамочка... Мама... Ты меня не бросаешь...». Преодолевая вялость и бесчувствие, девушка толкнула от себя твердь и стала грести руками, поднимаясь всё выше. Вот и звёзды! Вот и мама, сидящая на корточках и тянущая к Юле руки. Вынырнула, вдохнула, закричала: «Мама!»

– Ой! Она глаза открыла... Доченька! ... Да, кажется, проснулась... – Мама, пролепетав извинения, отбросила на кровать телефон и помогла Юле сесть. – Господи! Как ты меня напугала! Бужу-бужу, а ты словно бревно!

– Я спала? – Девушка ощупывала себя: никаких следов сырости, всё как обычно – мышцы, грудь...

– Что с тобой? Заболела? – мама потрогала лоб, – Может, не пойдёшь на занятия?

– Норм. Не волнуйся, мамуль, всё отлично. – Юля спустила ноги с кровати, потянулась за телефоном. – Ого! Опаздываю.

– Без завтрака не отпущу, – заторопилась на кухню мама, по дороге прокричала: – каша, какао, бутерброд...

Да. Надо поесть, желудок сводило судорогой только от названий.

В колледж пришла после звонка. Выслушала упрёки тёти Лены – уборщицы и по совместительству гардеробщицы. Та бесконечно долго гремела связкой ключей, отпирая решётку. Юля скользнула к ближайшей вешалке, оставила куртку и обувь. Улыбнулась тёте Лене и побежала в класс. Дорога из дома и привычная обстановка немного взбодрили, но на пороге кабинета студентку вновь охватило чувство пустоты. Её парту заняли Оксана и Паша. Дина сидела с новеньким. Юля обвела взглядом ряды, свободным оставалось только место рядом с Валерой Прохоровым. Дина заискивающе улыбнулась, остальные даже не посмотрели на опоздавшую – лихорадочно срисовывали таблицу с доски, не поспевая за преподавателем. Историк Пал Палыч – по прозвищу Па-Паша – не опускался до борьбы за дисциплину, работал так, будто находился в вакууме. Однако студенты, зная его манеру в конце урока устраивать самостоятельную работу по новому материалу, опасались и закорючки упустить из графиков, схем и таблиц, испещрявших интерактивную доску во время лекции.

– Привет, – шепнула Юля, подсаживаясь к Валере.

Парень кивнул, сдвигая тетрадь на свою половину. Один лист покрывали скупые пометки. Прохоров не слишком дотошно конспектировал. Он умудрялся параллельно торчать в айфоне, участвуя в онлайн турнире. Доставать телефоны на уроках запретили давно, у нарушителей их беспощадно отбирали. Валера стал исключением благодаря вполне приличной успеваемости и нескончаемому запасу гаджетов. По общему мнению, Прохоров был самым умным и перспективным в группе, а в колледж после девятого пошёл, чтобы не сдавать ЕГЭ. Он, как и некоторые другие ребята и девочки, рассчитывал по окончании поступать сразу на третий курс ВУЗа, и если у остальных могли быть проблемы с дальнейшим обучением, то его они не касались. Трудности у Валеры были только там, где требовалась скорость. Он любил обдумать, вникнуть, взвесить, поразмышлять. Даже здесь не всегда успевал заполнить тесты и ходил после занятий переписывать. Зато в устных ответах парню не было равных. На любую тему мог выступать хоть полчаса, хоть весь урок, а ребята и преподаватели только удивлялись, где он раздобыл такой интересный материал.

Ветрова неспешно вытащила из сумки тетрадь по истории, раскрыла. Взглянула на подругу. Та вертелась, посылая умоляющие взгляды, мол, без обид! Юля сцепила указательный и большой пальцы в жесте «Окей». Дина тут же успокоилась и наклонилась к Солодовникову. Если рассуждать здраво, вариант посидеть на уроках спокойно Юльку вполне устраивал. Она бездумно срисовывала с доски стрелки, кружочки и прямоугольники, заполняя датами и пометками, щедро рассыпаемыми Па-Пашей, и корила себя за необдуманый поступок. Зачем она просила Юллу вернуться? Что как принцесса вздумает навредить несчастной фрейлине? Мало ли какие у них там тёрки! Она вновь ощутила острую жалость к томящейся в сыром подzemелье девушке. Подумать только! Ржавые железки царапают кожу, полустгнившая солома набилась за шиворот и в рукава платья, невымытое тело чешется, спёртый воздух не даёт вздохнуть полной грудью, мучают холод и жажда. Надо было требовать освобождения подруги, а не мямлить, тушуясь перед королевой. Или правительницей. Как там у них всё непросто!

Теперь придётся до ночи теряться в догадках: вернётся она в тот мир или место там занято.

– Достаём листочки, подписываем! – заставил очнуться Па-Паша. – Самостоятельная работа.

– Тема-то какая? – шёпотом поинтересовалась у соседа Юля.

Тот подвинул свою тетрадь ближе и ткнул пальцем на заголовок сверху странички. Конспектом лекции пользоваться учитель разрешал, но из-за опоздания и рассеянности Ветрова не успела и половины материала записать, поэтому беззастенчиво сдирала ответы у Прохорова.

Следующим уроком была культура речи, что не могло не радовать. У Юльки не только иностранный, но и родной язык не вызывал отторжения. К счастью, расписание составили разумно: в субботу только три урока, последним физкультура, с которой можно было сбежать без последствий, главное в нормативы ГТО уложиться, сдавая зачёт в конце семестра. Ветрова любила физкультуру, но не сегодня. Очень хотелось домой – к маме. Вот так! К маме!

На выходе из колледжа Дина догнала Ветрову и сходу забросала вопросами:

– Ты чего с физ-ры свинтила? Обижаешься? Какая-то ты смурная, случилось чего?

Юлька отделалась односложными ответами, а подруга, не требуя подробностей, стала рассказывать о своих впечатлениях. Восторгам её, казалось, не будет конца.

– Он такой классный! С ума сойти! Не поверишь, я ему тоже сразу понравилась. Он вчера с Оксанкой сел только потому, что свободно было. – Ветрова хмыкнула. Свободными тогда были больше половины мест. Дина допытывалась: – Ну? А тебе он как?

– Сергей?

– Понравился?

– Главное, чтобы тебе нравился. Я-то причём?

– Вдруг, тебе завидно. – Дина вцепилась в Юлин локоть и старалась шагать с ней в ногу. – Не переживай, у тебя тоже скоро появится парень. Обязательно, я чувствую.

– Ладно, – засмеялась Ветрова, – не возражаю. А что, Серёга успел признаться в чувствах? Ты так порхаешь.

– Пока только в кино пригласил. Но это не мало, правда ведь?

Дальше последовал подробный рассказ: О чём они говорили и на каком уроке. Как Солодовников огорчился, узнав, что Дина сбегает с физкультуры, ведь собирался её домой проводить.

– Я очень хотела, чтобы он проводил, но рванула к тебе. Твой вид здорово меня напугал. Что всё-таки стряслось?

– Сон плохой приснился, – со вздохом ответила Юля. – Тебе-то что снилось?

– Серёжа. Мы целовались. Не представляешь, как чудесно он целуется!

– Во сне?

– Ага! – мечтательно подняла к небу глаза Дина.

– А в тюрьме ты, часом, не сидела?

Подруга остановилась и от возмущения не могла слова произнести. Надо так с небес на землю шмякнуть! Юле пришлось во всех подробностях рассказать историю отравления Юллы и предстоящей казни её фрейлины.

– Говоришь, она похожа на меня?

– Абсолютно.

– А Серёжа тебе больше не снился? – ревниво поинтересовалась Дина. Ветрова отрицательно покачала головой. Дина удовлетворённо кивнула и заверила: – Не сомневайся, Джулия, никогда в жизни, даже в страшном кошмаре, я не причиню тебе вреда. – Она засмеялась и потянула подругу вперёд: – Давай в «Алисо» завернём. Слопаем по мороженке со смородиной!

Ей всё-таки удалось растормошить Юлю. Уже через пять минут они весело болтали за столиком в кафе, и только мамин обеспокоенный звонок, заставил девушек разойтись по домам.

Пробуждение в спальне Юллы поначалу обрадовало. Юлька рывком поднялась и крикнула:

– Ага! Не хочешь, значит, расхлёбывать, на меня надеешься! Эх ты! Ну, погоди, я тебе устрою.

Побегала по комнате, высоко поднимая колени, потом стала отжиматься. Больше трёх раз не получилось, тогда как у себя Юля выполняла пятнадцать отжиманий легко, а если напрячься, то и до двадцати догоняла. А тут... Слабачка!

Заглянувшая в комнату Тутти на сей раз не выказала удивления. Она с умилением наблюдала за тем, как госпожа мучает себя, и качала головой.

– Что? – тяжело дыша, спросила Юля.

– Зачем вы это делаете, Ясная заря?

– Нужно укрепить мышцы, – начав приседать, ответила она.

– Правителям мышцы не нужны. Особенно женщинам. Вам не придётся выполнять тяжёлую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.